

Мамара Шабаренина

ЛИГА ФУТБОЛЬНЫХ ОКРАИН

К слову...

Послевоенная осень. Холодрыга. Дров нет. Нас, восьмиклассников, снимают с уроков на распил топляка. Работали за Землячкой, на пустыре. После летели на другой, холмистый от заброшенных могил. Вместо ворот – кирпичи. Гоняли мяч по будущему стадиону «Юность».

В сорок шестом уже гуляли легенды о первых городских матчах «Локомотив» – «Спартак». Казенный сад собирал весь город. Бились фронтовики. Помню: левый крайний отличался бешеным ударом левой: мяч выл – мы боялись, втягивали головы, дабы не снесло. Догадывались, от какой силушки бежал немец... Футбол заразителен: через год уже и я играл за «Локомотив». Объявились игроки с затонских, мясокомбинатских пустырей. Фронтовики были у всех в кумирах. Послевоенный футбол – с них.

В. Баев

Я БЫЛ ПЕХОТОЙ В ПОЛЕ ЧИСТОМ

Ахмет Урманчеев служил на дальневосточной границе. После – мерил дороги фронтов. За сотню дней до Победы был ранен. Домой вернулся инвалидом. Жизнь с нуля: вечерняя школа, Барнаульский юридический, двадцать лет службы в МВД.

Капитан запаса Ахмет Махмудович Урманчеев вписал свое имя в историю спортивного Приуралья. Дипломированный судья, тренер по плаванию, чемпион Казахстана! К боевым наградам, медалям, ордену Красной Звезды, ордену Отечественной войны I степени прибавились спортивные. Особо бережен к благодарности за боевую операцию на Курской дуге, подписанной лично товарищем Сталиным.

Путевка в жизнь

В тридцать восьмом на улицах Уральска появился черный от загара крепыш. Татарчонок. Удивились уральские улицы: откуда такой? Спросят – молчит, и не спросят – молчит. Оказалось, из Оренбурга: ни бельмеса по-русски! Выпал из

разоренного гнезда. Отец – ас по сырьевому делу, старших из десяти выучил. Семь классов, курс техникума – у Ахмета. Только куда теперь с татарской грамотой, с пропиской в другом городе? Пролетарская волна подхватила интеллектуала на курсы киномехаников в Алма-Ату. И вскоре он являл народу чудо звукового кино! Глухомань Джамбейты дивилась на Чапаева с кривой шашкой, горевала над судьбой беспризорника Мустафы. Великая сила искусства вселяла веру. И сам киномеханик уверовал: сегодня плохо, а завтра – ай, как хорошо будет!

...«Путевки в жизнь» для мальчиков, родившихся в двадцатом, уже подписывали военкоматы.

Прохорово поле перейти

Какие бы поля сражений ни брали самолеты, танки, а все одно: считаются не взяты, пока не распишет их кирзовый сапог царицы полей. Пехота шла по Прохорову полю! Мертвая зона. Смятая геометрия боя – искореженные танки: поодиночке, попарно, куч-малой. Чья клюка подгробала пожарище? Вчера, век назад? Здесь нет времени – сгорело в гигантской домне по переплавке земли-неба. Ураганный гуд, который вжимал свидетелей небывалого сражения в окопы, верно, все еще катит: вышибет двери-окна иных миров. Может, и там задыхается кто от дыма, как задыхается он, гвардии младший сержант Урманчеев?

Идет неспавшая пехота по сгоревшему днищу девятого круга. Не остыло пекло. Мокры гимнастерки. Пот заливает лицо. Утро, вечер, все одно – сумерки. Дождь или конденсат безвоздушного поля? Или души солдат, не пробившиеся к чистому небу? Капля исчезает мгновенно. Подошва цепляет коросты. Вместо земли – боль. Должна проступать кровь. Не проступает. Чадит горячее боевых машин, дымит брошенный мангал с человечинной: там рука, здесь лодыжка. О Аллах, дай вернуться из преисподни!

Ударил ветер-свежак! Солдат тошнило: угар. Впервые Урманчеев не выкапывал образцового окопа: так, нашелся овражек. Стрелкам еще хватило сил собрать расчлененные орудия-бухалки: но никто не шел на них войной. Никто не приказывал обеспечить связь с где-то застрявшей батареей. Никто не орал «Огонь!» и не звал в атаку. А если б и звал, не дозволялся: как убитая, полегла пехота. Выполнила свою миссию: всеобщая Победа приблизилась на ширину Прохорова поля!

Доживем до сабантуя

Окоп на фронте больше чем окоп: может оказаться забегаловкой на час, цитаделью на неделю, вечным пристанищем. К его сооружению сержант Урманчеев подходил с серьезным расчетом: дождь случится – вода в канавку, ноги – на приступочку: сухой, как лист!

Тот окоп исключением не был: все честь по чести: края охлопаны, не осыплются. Ветку б для маскировочки... Но поздно: взгудел горизонт: «мессеры»! Рассыпался фланг по своим «нумерам».

– Гуляй, Маруся! – расседлав лошадку, сержант нырнул в окоп. Седло – сверху. Прикрытие!

...Марусю Урманчеев нашел в полусгоревшей деревушке.

– Ау! Есть кто живой?

Тишина. Только Маруся из сарая откликнулась. Дохленькая. Но если откормить, в связистском деле сгодится! Так и дружат с полгода... Каково ей под бомбами? Для лошадей окопов нет. Отступающие немцы огрызались скорыми налетами. Прискачут: разрядятся и – «ауфвидерзейн»!.. Потерпи, Маруся! Тюкнуло там-сям. Возле окопа – как кувалдой о рояль: тюк – и пустой гул.

Охолодал в земельном футляре связной. Еще бы: в одних портках. Стираная амуниция – на солнышке. Верно, уж и высохла? Сдвинул с окопа «крышу-седло» – обомлел: серый месяц авиабомбы! Посверкивает: скатиться или еще повисеть? Сюрприз – по коже наждачкой. Маруся прикандыляла. Морду свесила: живой, нет? Жизнь – на волоске, а теперь – на волоске Марусино хвоста...

Вымах из укрытия – дело секундное. На этот раз – замедленный отжим: заложник случая шел как росток из земли. Лошадь дохнула теплом, бомба – холодом. Сержант покатился по траве, собирая пожитки. Марусю окликнул – и ухом не повела: трава у окопа густая, вкусная. А тут – демарш. Местность начиналась гористая – коняге по увальням не пройти. Урманчеев на спине нес трехпудовую станину, помогал легкой артиллерии: не до оглядок. Но уж шибко переживчивый момент остался: у окопа оглянулся. Над его недавним укрытием поднялась до небес огненная Маруся. Будто и в своей новой ипостаси хотела найти виртуального всадника.

Письмо к матери

«Дорогая Гарифа Хусаиновна, за истекший год, от 26 до 27 годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, наша часть прошла с боями от реки Днепр до Вислы. Много уничтожив живой силы, техники, врага, освободила множество населенных пунктов... В этих величайших исторических сражениях вместе с нами храбро и бесстрашно сражается ваш любимый сын Урманчеев Ахмет Махмудович. За образцовое выполнение задания командования на фронте, борьбу с немецкими захватчиками гвардии младший сержант Урманчеев Ахмет награжден правительственной наградой, а именно: медалью «За отвагу». Мы все гордимся вашим сыном Ахметом, защитником нашей родины...

Не сомневаемся в том, что вы героическим трудом будете помогать фронту. Желаем вам здоровья и успехов на трудовом фронте. С фронтовым приветом командир...»

Время обмахрило края письма-треугольника, обозначило сгибы. Четырех из пяти сынов отдала мать войне. На троих – три казенные бумаги. А это – с обратным адресом «полевая почта 0780» омыто слезами радости: «Жив!»

...Письма, как люди, стареют, но живут дольше. И пока живут, зреют «Ай, алмалачлары, сайрый сандугачлары» («Прекрасные яблони, на которых поют соловьи»).

Польский январь сорок пятого достал «пианиста» радики Урманчеева пулей навывлет. Рана руки – на уровне сердца. Чуть – и полетел бы в Уральск, вслед за белым треугольником, черный. Год не отпускали госпиталя. Тяжелый случай. Рана не хотела заживать. Рука замерла на груди под углом. Любое движение – прикладом в плечо. Куда с такой никудышкой?

Где родня – там и родина! Его ждал Уральск.

Мне победа, как воздух, нужна

Город жил-выживал: тянулся к невозможному счастью в три реки – в три руки. Урманчеев – одной правой. В левой то и дело открывался свищ, грозил гангреной. Градусник едва не зашкаливало. Прибегала «скорая лошадь». Врачи терялись: что делать? Юная медсестричка упала в обморок: страшная, страшная у больного рана!

С такой муки – хоть в Чаган! За исцелением стал ходить к реке. У пловца свой стиль, своя походка! На боку – вода буруном! Недвижимая рука поневоле помогала, куда деваться – не щадит хозяин. Пальцы начинали шевелиться как плавники. Крут массажист – Чаган!

– В команду! – присвистнули обитающие тут спортсмены.

Именитый тренер Смагоржевский постарался: ученик во всех соревнованиях – на ура! На спартакиаде среднеазиатских республик Ахмет Урманчеев – вторая ступенька пьедестала! Что соперники? Поднялся над собой: он – упрямый татарин! Шумел спортивный Уральск. Молодость поугромевшая на войне, «отрывалась» на стадионах. О спорт, ты психолог!

За победу на спартакиаде Урманчееву отвалили двести пятьдесят рублей – буханка хлеба! Перед солидным гонораром зарплата скромного учителя физкультуры стыдливо зарделась. И когда город вздохнул, без продовольственных карточек, – «Держитесь, рекорды! Поевшие уральцы побьют вас!» – сказали уральцы.

К новому чемпионату республики команда нацелила боевые винтовки: нет спортивных. Дорожные «велики»: нет гоночных! Играли бицепсами борцы: бицепсы есть. Футболисты мысленно уже навтыкали в ворота соперников дюжину мячей. Вагон и маленькая тележка уральских спортсменов прибыла на перрон красавицы Алма-Аты. Все и каждый в отдельности метили в ее фавориты! Урманчеев – в стороне от всякого трепя. Говорил по делу. Удивительно: парень росту невысокого: невысокости никто не замечал! Как и недуга. Накинутый на плечо пиджачок прикрывал метину войны. А уж чем прикрывалась третья степень инвалидности бывшего фронтовика перед строгой отборочной комиссией, знали только ушлые ребята из горспорта.

Звание чемпиона Республики Казахстан Урманчеев взял одной правой! Смел дистанцию как торпеда! Взорвались трибуны! Жаль: в минуты триумфа не было рядом девушки по имени Нафиса.

Оренбуржье в сердце струнно дребезжит

По синим островкам небес, только что выпавшим с теплым дождиком, спешила: туфельки – девчачью драгоценность несла в руках. Куда несло Ахмета Урманчеева – неизвестно. Очутился в театре. Из театра шли вместе. Как давно это было... Вчера это было...

...Служба скорой помощи чтит свою былую гордость – незабвенную Нафису Минасовну. Приглашает на праздники, звонит, как вы там? А как они там, Урманчеевы? Тихо, светло в их комнатах. На книжных полках – хронограф уральских ветеранов Отечественной, снимок Ахмета Махмудовича. Брошюра с автографом – научный труд племянника.

– Из команды академика Капицы. Слышали о таком?

– Как не слышать...

Про оренбургский караван-сарай книги нет. Он в разговоре. Он был. Не пустовал его постоялый двор, и торговый двор не пустовал. Мечеть посреди жилого подворья затопляла татарская речь. За крепкими, почти крепостными стенами остался кусочек детства Ахмета Урманчеева. Совсем маленький кусочек.

– Жив ли он, Караван Караванов? Не знаете?

Я не знаю. Но если снится, значит, жив.

ЕГО АМУРСКИЕ ВОЛНЫ

Павел Фоменко подростком пережил оккупацию в районном городе под Ростовом. До призывного возраста стал солдатом. Науку минометного дела получил на Дону. Проходил службу в Советской армии и военно-морском флоте с 7 мая 1949 года до 10 июля 1956... Участвовал в войне с Японией в составе второй бригады речных кораблей Краснознаменного Амурского флота.

Орден Красной Звезды, орден Отечественной, чинный ряд медалей. Узкая полоска – факт ранения. Вопреки полученной в бою инвалидности, лейтенант Фоменко был допущен к самостоятельному управлению кораблем. Но все корабли ушли без него: жизнь повернула по иному фарватеру...

Пятнашки с «мессершмиттом»

Город Батайск – мастер строительно-монтажных дел, ремонтник-механик, эвакуировав заводы, остался не у дел. Плюнул бы фашист в его сторону, да узловая станция Колос колоссальным узлом связывала всю его «Барбароссу». Вытеснив с важного стратегического объекта хозяев, гостечки получили желаемое: в сторону Сталинграда покатились эшелонами зачехленная смерть. На станции гремело, ухало: скопища адских грузов прилетали бомбить самолеты со звездами. Навстречу им летела душа и все пятнадцать мальчишеских лет Павлуши Фоменко: детская радость не допускала мысли, что можно погибнуть от своих.

– Наши летят, на-ши! – отчаянных батайчат завихряло на поворотах: фейерверки продуктовых вагонов разбрасывали щедрые гостинцы.

Как по грибы, ходил за трофеями главный кормилец семьи Павлуша: найдет чего – за пазуху и алле через запретный пустырь...

На том пустыре и засек «мессер» цель в белой рубашонке, пошел в бредущем полете. Заметалось чисто поле: не кинуть шапку-невидимку, не бросить гребешок, чтобы лес до небес. Ма-ама! – нагоняет мальчика железная птица! Подсек отрог-бугорок, велел затаиться.

– Не догнал! – задышался и счастьем, и страхом.

Сморгнулась воздушному охотнику цель: коготки пуль вспахали землю, запятнали рубашку – испортили мамкину стирку.

Прятки с герр комендантом

Повестка с немецкой комендатуры явилась не запылилась. Одна, вторая. Гуляет по Батайску трудовая потенциальная сила Великой Германии в лице Павла Фоменко, к начальству не идет. Не пойдешь – поведут поневоле, вразумили сведущие

люди. Явился призывник по третьей повестке куда приглашали: «гутен таг!»). Комендант качнулся с пятки на носок: пистолет – из кобуры. Дуло – на русского мальчика: вот какой жуткий капут будет, если он завтра не явится на биржу!

– Капут, капут! – подтвердил свирепым взглядом со стены фюрер: портрет Гитлера Павел видел впервые.

– Он придет, господин комендант! – успокоила психованного офицера юная переводчица. – Это очень хороший мальчик!

Заступнице не хватало только поклясться «честным комсомольским». Из одной школы как-никак: он в седьмом, она в десятом.

«Хороший мальчик» не оправдал доверия немецкой комендатуры: знал, сколько людей заглотила биржа. А кому капут – без бинокля видать: на аэродроме тусовались бежавшие из-под Сталинграда вояки: венгры, румыны, одетые кто во что. «Попандопаль»: меняли оружие на хлеб. Из такой «мень» Павлуша пулял боевыми зарядами с крыши сарая в пролетавшие «юнкерсы». Хотел отомстить за отца, погибшего под Харьковом... Юному мстителю благоразумные соседки собирались оторвать уши. Теперь не оторвут, спрячутся, пока в Батайск не шагнут освободители. Под оккупантами город прогибался полгода. Казалось – век.

На сопках Маньчжурии

Сквозняки военных эшелонов подхватили, задули на вольтовы своды Курской дуги: ту уже замкнуло на слове «Победа». Четыреста бойцов с линии фронта, горячей, еще не остывшей от великой битвы, снял дальневосточный эшелон: срочно понадобилось Краснознаменной Амурской флотилии пополнение, про-веренное огнем.

Этот вальс... Музыка прорывалась из репродукторов, как из пробоев нездешнего мира. Оставляла робкую мечту: покружить девочку. Хореография войны изящные па не предусмотрела. «Амурские волны» – хрупкая грампластинка. Перед матросом военной флотилии Фоменко – сам Амур-батюшка! Плещет белая волна, «белая волна плещет!»... К осени вода в Амуре белеет, седеет: сколько унесла человеческой крови, сколько унесет еще? «Там, где багряное солнце встает» не сидится, не лежит маленькой восточной стране. Точит не наточит самурайский меч с начала века, не сводит раскосого ока с российских владений. «Жик-вжик» – свищет ветер над сопками, разбивается о рыжие скалы, тонет в бурых мехах тайги. На картах военных – укрепрайоны: дзот на дзоте, дзотом погоняет. Харбин – цель, Маньчжурия – цель, Курилы... Главное – поставить точку на Второй мировой. Американское двоеочие, упавшее на Хиросиму, Нагасаки, обернулось двумя смертными грибами.

Советские войска занесли ногу над Страной восходящего солнца. В самую пору делать стране харакири или привыкать к слову «капитуляция». Нет, корчится японская гордыня от боли, щерится амбразурами. Улетят птицы, спрячутся звери – научились чують приближение рукотворных громов. И только прикованные цепями смертники будут остервенело защищать свои цепи. Гибнуть героически. Их генералы сдадутся в плен.

Под Харбином – нонсенс: около сотни смертников отказались от смерти и боя. Охранял пленников матрос Фоменко. Яркий фонарь высвечивал постового: мишень... Барак не барак: оборудован, как неприступная цитадель! От прикован-

ной живой обороны по коже мороз. Время стыло, не знало: чего ждать от скукоженных на полу людей? Это была самая длинная за короткую японскую войну ночь. Была, сплыла. По непроходимому плацу пошла освободительная армия: по небу – самолеты, по Амуру – корабли. Не выдай, Амур!

По боевому расписанию моторист броневого катера Фоменко – заряжающий: на корме «катюша»! От ее огнеметного темперамента катер – ходуном, воздух – стоном! Но тс-с: на подходе к Харбину утихли пушки, минометы. Катер как не дышит: на подводном выхлопе. Сквозь рассветный туман разглядел-таки его зоркий японец, расстрелял всю секретность. Не по душу заряжающего летел тот снаряд: по душу выхлопной трубы: срезал как миленькую! В машинное отделение хлынул угар.

– Перекрыть трубу!

– Есть перекрыть!

В мгновение ока вентиль послушно крутанулся, замер: ускользнувший шлейф газа удавом подмял спасателя.

Легко, безбольно жизни уплывать в сизом и голубом... «Павел! Пашка!» – кто-то выхватил его из погибели. Сопровождающая боевой катер плавбаза приняла пострадавшего.

С лазаретной койки матрос амурской флотилии поднялся с удостоверением об инвалидности.

«Нет!» – взбунтовалась заключению врачей юность: каждый годок из восемнадцати – в ополченье: тело желало быть сильным, как Амур. Желало спорить с Амуром.

«Белая волна плещет...»

Если хочешь быть здоров

Чем подкупил Уральск отставного лейтенанта с его молодой женой, так это – осенним базаром: щедрым, сытым, как арбуз. Добрым! От добра добра не ищут: если уж «репрессантов» – тестя с тещей эта земля не обидела, то их – подавно.

Город с дорогой душой распахнулся перед приезжим, будто знал: однажды именно этот молодой человек встанет грудью на его защиту, как Дон-Кихот. Не с ветряными мельницами – с государственным планом строительства биотехнической базы скрестит шпаги. От ядовитого дыхания такого монстра город мог бы однажды не проснуться.

Но что забегать вперед? Иди и смотри, новожитель: вот легендарный Яик Горыныч! Улицы, скверы и «вот он, вот он, великий Чаган – приют бунтарей» и пятиборцев! Кировский парк по аллеям к новеньким вышкам бежит, ныряет. Ныряют пловцы – любители и те, что купывались в республиканской славе. Где наша не пропадала? Фоменко пополнил команду строительного техникума: у тренера Юрия Смагоржевского на стометровку брассом пошел бы и топор: нравом крут тренер.

Массовый спорт шагал и вживе, и по страницам отчетов. Для бывшего дальневосточника, доставшего со дна Тихого океана в подводном плавании силу-здоровье, городские спартакиады – в удовольствие! Пятьдесят метров за пятьдесят две секунды! Не слабо? Для тела и души – в самый раз! Для славы есть имена: Урманчеев, Юркин, тот же Смагоржевский и вечно перспективная юность!

«И на Тихом океане свой закончили поход»

Под такой «шапкой» пригласительный билет из Москвы. Совет ветеранов Краснознаменного Тихоокеанского флота Москвы желал видеть фронтовика Фоменко в числе званых гостей «на торжественной встрече, сорокалетия Победы над милитаристской Японией». В приложении к билету – весь расклад автобусно-троллейбусного маршрута.

Приглашенный знал его, как пять пальцев: учился тут на академических курсах. Место встречи – Дворец культуры первого ГПЗ – нашел без труда. Ревнивый профком архитектурный ансамбль оценил. Фасад оказался запоминающимся: через семнадцать лет сердце привстанет от узнавания: крупным планом проплывет по экрану с новостью о захвате террористами. «Норд-Ост» будет потом. А тогда вальс «Амурские волны» сносил Павла Ивановича в его амурскую эпопею: тринадцать лет службы дальневосточной земле из вальса не выкинешь! Он служил бы этой земле еще: здесь исполнялись мечты: влюбился, женился. К штурвалу корабля, к амурской волне прирос душой. Выдирал: повальное сокращение флота выплеснуло из шинельной полы страны два миллиона верных сыновей.

Профессия строителя – заочно покорила: дипломной работой – проект танцевального зала на полтысячи танцоров! Такого зала не было во фронтовой юности. В таком не будет тесно незабвенному «Амурскому вальсу»! Проектировщик и возле батюшки Урала по батюшке Амуру вздыхал. Будто кто повелел человеку не забывать: белая волна плещет...

И ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ, И ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Николай Иосифович Котельников – ветеран именной дивизии – Полтавской, гвардейской, увенчанной четырьмя орденами. И сам ветеран наградами не обижен. Его ратная служба в разведке была оценена двумя орденами Красной Звезды, чехословацким орденом «Мужество», медалями. Годы работы фронтовика на поприще председателя областного совета ДСО «Спартак» отмечены конкретными делами. На крутом десятке лет «кипит» во всевозможных обществах.

В числе званых гостей Николай Иосифович пил чай у Президента страны. Вернулся с именными часами. Вот они: поблескивают по-царски, отсчитывают время, им останавливаться не положено.

На тропинке узенькой встретились они

«Мой фюрер, у дверей русские!» – подарочком к новогоднему празднику шефа успела выпорхнуть радиограмма фельдмаршала фон Паулюса. Шестая армия вермахта накрылась: чем именно, живенько расшифровали разведчики. Сталинградское контрнаступление набирало обороты. Витал дух возмездия. Священно-боевой настрой на позициях стрелковой дивизии до невозможности портил зачавший сюда немецкий самолетик: форменный «кукурузник». На «живчика» клевали огневые точки: не успевала за ним растаять в небе «льжня», как открывшие личико зенитки, командные пункты, походные кухни уничтожались прицельным огнем. «Как же так, – ломали голову командиры, – враг отодвинут

километров на десять, а бьет – как с соседней улицы». Местность неоднократно прочесывалась. Результат – ноль. В разведку ушла тройка Котельникова.

«Мороз и солнце – день чудесный!» По своей территории разведчики шли не таясь. Придорожный блиндаж интереса не вызвал, но переводчик свернул: кто в теремочке? На треск автомата подскочили спутники, ахнули: «Завалил!» Двух здоровенных фрицев. Откуда взялись? Ушки на макушке: вышли, разглядели притаившийся под балкой калечного дома – шестиствольный миномет. Полоснув очередью на авось, разведка взяла с места в карьер: тут уж дай бог ноги! Развернется – мало не покажется. Когда оглянулись – никого. А лоб в лоб лыжный десант! Во лбу – ни звезды, ни свастики. Немцы? Автоматы вскинулись, те и эти. Котельников взял цель: на долговязого. Но фриц – на те! – Коля Отрожек, школьный комсорг!

– Колька! – гаркнул за полмига до дуэли.

Выстрел в воздух! Два Коли, два однокашника обнялись.

День не хотел кончаться на радостной ноте: скрутил разведку наряд соседней армии. Разведчиков приняли за лазутчиков. После физической обработки позвонили куда надо. Прилетели мотоциклисты: эту тройку командование дивизии ценило. Ценность, покрытая синяками, радовалось: миномету-убийце оставалось жить всего ничего.

На директора 41-й школы Коля Котельников наткнулся, как на иголку в стогу сена. Кольнуло: Леонтий Архипович, такой интеллигентный, красивый, в военной робе смотрелся нелепо: исхудал на солдатских харчах. У разведчиков рацион особый. Время подкормить пехоту: из соседней части приводил ученик учителя на обеды. Говорили, забыв о бывлой субординации. Леонтий Архипович все о своих двойняшках, о ненаглядной Валентине Яковлевне, о школе.

Однажды, возвращаясь с задания, тройка Котельникова наткнулась на окопы, где совсем недавно прошел бой. Штыковая атака: колотые раны, снег с грязью-кровью. Среди трупов – Леонтий Архипович.

Знаменитая нога не идет без батога

Война закончилась для разведгруппы Котельникова за тринадцать дней до Победы: в Чехословакии тройку накрыла засада, рассыпала. Когда наступила тишина, двое встретились, третий пропал.

– Погиб командир, – решили друзья: видели краем глаза, как упал, как бежали в его сторону автоматчики...

На родину «погибшего» полетела остроугольная, как шальной осколок, похоронка. А смерть – мимо: только дулом повела по колючкам, по широкому сомбреро вороньего гнезда. Что гнездо на пилотке, не учуяла. Сыграв с дамой в прятки, раненый – пан или пропал – дополз до дороги. Подкатило колесо фортуны, в стогу сена привезло русского к черту в зубы: Чехословакия еще кипела оккупантами. Рисковый чех берет находку до прихода Советской армии.

Домой летели журавли. У подбитого журавля Котельникова путь на родину лежал через лазареты чужой страны. Его раскуроченная нога вызвала большой интерес у медперсонала: голень демонстрировала зазор в спичечный коробок. Не рана – окно Европы! Медики видели в этом окне кто что: одни – скорую деревянную ходулю, другие – большие хлопоты. А полковник Панкратов – удачный экс-

перимент и толстую-толстую диссертацию! В сустав вставил штырь, загипсовал: будто укреплял не живую ногу, опору Берлинской стены. Вскоре под гипсовой идеей завелось гестапо – моченьки нет! «Терпи, казак, атаманом будешь!» – объяснила медсестра: положительный биофактор!

И когда журавли возвращались по второму послевоенному кругу, из госпитальных палат вышел человек, чья нога была куда знаменитее его самого. В научном журнале впервые прошла информация о том, что костную ткань можно наращивать.

...Октябрь сорок шестого разбрасывал листву. Военный в шинельном прикиде, модном прихrome шел с батожком по городу Уральску. «Кто такой? Почему не знаем?» – оглядывалась новая поросль: тот был старше их на войну. Воздух родины нес через все арки к Чапаевской.

На углу улицы Кировской стояла корова – первое одушевленное создание, узнавшее дембеля.

– Му-у!

– Царица небесная! Это ж Бурешка!

Как узнала своего давнего ухажера, одной ей известно. От переизбытка чувств хотелось обнять ее, да та была необъятной.

Дом пуст: все ушли на работу. Сбросив котомку, вышел во двор; дом невесты рядышком. Зайти – не зайти? Он не пойдет. Он опоздал на два дня: невеста обручилась с другим. Разрешила обманная похоронка.

И никто не узнает, где могилка твоя...

После войны стадион «Спартак» стадионом назвать было трудно: деревянное оборудование вместе с забором ушло на обогрев жилья. «Уж не заворачивала ли сюда линия фронта?» – усомнился в географии войны отставной старлей Котельников. Кавардак как председателю ДСО достался ему. Трудовой фронт требует решительных действий. «За развитие культурно-массового спортивного движения в области» первым двинулся бульдозер. Сравнил и островок безымянных могил: а чего они тут? У мертвых лимит времени вышел не вышел, для стадиона квадраты нужны! Жаль, церковь не подвинуть: под склад пришлось выкапывать блиндаж. Котельников – убежденный атеист. Еще мальчишкой видел колокол под автогеном: в проемы звонниц вытолкали по частям... Гром не грянул. Не грянет и сейчас. Потревоженные кости пришлось прикопать. Разохались старушки: «На костях стадионы строят!» А какой город строился не на костях? Все на них, родимых! И не охайте!

За мячами, коньками, бутсами безбожная энергия рассылала «разведчиков» туда, не знаю куда. С дарами батюшки Урала могли добыть и то, не знаю что! Запаху вяленой воблы сдавались любые склады: выкладывали последний мяч, предпоследнюю партию трусов. Футболки, предназначенные клубникам столичного «Динамо», хорошо смотрелись на клубниках провинциального «Спартака»!

Предприимчивость, натиск головного спартаковца – и стадион ожил! Под болельщиками ломались трибуны. На матчи приходили руководители всех регионов: по леву руку – элита промкооперации, по праву – соперники: руководство Ворошиловского завода. Профсоюзные лидеры блюли нейтралитет.

О, о, о! – страсти кипели и не могли выкипеть. Горбыльный забор сдерживал сверхкосмические нагрузки, удерживал арендаторов. «Спартак» кормил себя сам! Копеечная аренда лыж, коньков, велосипедов спасала ребятню от темных соблазнов улиц, дарила румяное здоровье, радость. За одно за это господь должен был извинить-подвинуться, списать все грехи с отчаянного председателя ДСО. И уж верно, списал. Но кладбище мстило.

При заливке катка вода не задерживалась на поверхности. Вылили не одну цистерну: без толку – урчит вода как заколдованная, уходит в тартарары. Церковный сторож пояснил: могильные пустоты – не наполнить до второго пришествия. Подсказал, как обмануть подземное царство. И заблестел каток! Котельников перекрестился: «Слава те!»

Прикатил из Москвы большой человек, участник Гражданской войны. Когда-то по Уралу погуляла его кривая шашка, у друга – выпала. Схоронили за Золотой церковью в братской... Но где они, красные герои? Нет могил: за святыми стенами ветер плачет, дети скачут! Э, вот как в Уральске чтят дело революции! Дело Котельникова по факту вандализма решало бюро горкома: из партии исключить.

Один голос оказался против, но это был голос председателя исполкома Черниговской. «Состав преступления» растаял. Но если бы – по-другому, не отдал бы фронтовик партбилета. На фронте эти корочки через кровь приобрели иное значение. Стали как крестик для верующего.

«Хорошо, что я встретился с вами»

В год сорокалетия Великой Победы запорожцы пригласили гвардейцев знаменитой армии. Принял гостей и районный город Орехов. Расцветенная сцена, торжественные поздравления: зал чествовал героев, вспоминал о погибших. Разведка держалась обособленно: россиянин Поташов, казахстанец Котельников.

Здесь, в Запорожье, при отступлении искали переправу. Село поодаль как вымерло. Дорога несла женщину с девочкой. «Там, – махнула рукой на вопрос, – туда нельзя: немцы! Весь люд увели». Уставшей девочке доставало мужества не хныкать.

Не положено разведке вступать в какие-либо эксцессы, но: «Айда, ребята!»

Немцы, поставив пленников на колени, устроили маленький пикничок: на трезвую голову делать черную работу вредно для здоровья. Выпивали-закусывали. На десерт получили полное освобождение от своих обязанностей: бой был коротким... Смертники, бросились врассыпную. Исчезли во времени и пространстве.

Котельникову захотелось оглядеть зал: будто можно было узнать лица, которых не видел никогда. Жив ли кто?

Пожилая женщина рассказывала о чудесном спасении доброй сотни станичников, о горстке молодых солдат... И задалась тем же: «Жив ли кто?»

– Жив! – откликнулся тихо бывший разведчик. И когда шел на сцену под шквал аплодисментов, думал: сочтут за самозванца. Обмолвился о женщине с девочкой, и «доказательство» вспорхнуло на сцену, обняло «самозванца»: «девочке пяти лет» с тропки сорок второго года подкатывало к пятому десятку...

Как и тогда, при откате советских войск, в селе было безлюдно: жителей захватила в плен на этот раз уборочная страда. От ее строгого конвоя крестьянина

не отбить. По исключительному поводу на сход поспешили все: в каждом селе этого района, в каждой хате из уст в уста, от отца к детям передавалась история освобождения из-под фашистской расправы. Она уже стала легендой, и вот на тебе – явление спасителей!

Шли: те, кто был прямым участником драмы у реки, кто родился благодаря ее счастливой развязке. Уж кто-кто, а потомки запорожских казаков умеют встретить-приветить дорогих гостей: не перевелась еще знаменитая украинская горилка, и не все гуси-куры сданы в колхозные закрома! И нет лимита на песни. Запорожские казаки поют так же душевно, как и уральские...

КАВАЛЕРГАРД ЧИЖИНСКОЙ УЛИЦЫ

Борис Николаевич Федотов – призывник первого года войны. В составе отдельного конного разведвзвода Двухсотой Кавалерийской дивизии добывал оперативные сведения.

В сорок четвертом под Каунасом война для уральца закончилась: госпитальные врачи определили – на II группу. Особенный воздух родины помог списанному воину набраться сил. Оглянуться не успел – восемьдесят пять!

Что ордена, медали? Благородный металл для позвона, для гордости. Семья – для счастья! Посредине жизни сошлись два горюшка – вдовец да вдовушка. У него – трое деток, у нее – четверо. Мои, твои – наши! Внуков у Федотовых двенадцать. Правнуков – на футбольную команду! Если собрать, дед бы опять самолично расчистил пустырь, поставил итанги. У него опыт: возрождал футбол после войны на своей окраине. Правый полузащитник на футбольном поле – как на поле брани: за честь родины!

В пять ноль-ноль вместо привычного боя курантов сорок девятая волна накрыла дежурного радиотехника Федотова девятибалльным сообщением: война. Верно, он и был первым в Уральске, кто услышал о ней: центральный радиоузел встрепетнулся по его звонку: поплыла по городу черная весть.

Когда-то черным вестникам снимали голову. С Федотова – шевелюру. Учебный взвод конной разведки в Бузулуке наполовину – из уральцев. Замечательно: рядом друзья-товарищи и подруга. Сивка: так окрестили «даму» курсанты за светло-серую масть. «Сивка так Сивка» – лошадь особо не возражала. Почуяла в кавалере настоящего ценителя лошадей красоты. Парень питал страсть к этим странным существам: знал, как подойти, чем угостить. А уж в каких зорях купывал – в уральных, деркульных, чаганских! В вечерних и утренних! Черные, рыжие, дымчатые гривы встряхивали сонмы маленьких солнц, поджигали необъяснимой радостью душу.

– Сивка-бурка, вещая каурка, встань передо мной! – взлетали, падали мальчишечьи голоса по приуральным просторам.

...Эта Сивка – не из сказки, не из детства, как лист перед травой, являлась по первому зову: курсант Федотов готовил ее на войну. «В седле или с седлом!» – по строгому воинскому правилу седло убитой лошади оставлять не полагалось. С тем и унес двуногих, четвероногих курсантов эшелон в сторону осажденного Ленинграда.

Крещение в Крестцах

Первого мая, когда утро красило стены древнего Кремля, необстрелянный отдельный взвод конной разведки принял боевое крещение на станции Крестцы. Может быть, легендарный начдив Буденный планировал танковую броню опрокинуть кавалерией? Кто знает, о чем думали легендарные начдивы, а только конных и пеших заглатывала железная глотка войны.

«Ленинградцы, дети мои!» – звенел стихами Джамбул, благословляя соотечественников на подвиг. Видел бы акын, как скоро, как жутко исчезали посланцы степей.

На станции Мальва конники – три взвода – попали в «мешок»: ни вправо-влево, ни вперед, ни вспять. Укрыли коней в леске, укрылись сами. Над леском, как заведенная, с воем-свистом пролетала смерть. Не было конца свисту. Не было конца вою. Горел Ленинград... За три месяца вынужденной отсидки наголодались люди, лошади. Сивке листья березы осточертели: ела! Заботливый друг приносил охапками, пока не лопнул огненный обруч.

Стихия войны, наконец, была упакована в рамки стратегии. Азарт возмездия подхватил кавалерийскую дивизию, понес к Прибалтике. Постройневшую на береговой диете Сивку от Федотова увел чиновный штабист: «Добудешь другую!»

Конек-горбунок

Добыть на фронте боевую лошадь сложнее, чем заморскую царевну. Разведчики – народ отчаянный. Надо пополнить взвод лошадиными силами? Пополнят. День-ночь, сутки прочь. На рассвете сбежались кавалеристы смотреть на невиданных лошадей. Приземисты, длиной метра два с гаком. Две еще туда-сюда, а третья – что за зебра в полосочку? Ответить могли бы джигиты из туркменской бригады, дислоцирующейся неподалеку. Но «тс-с!» – разведчик Федотов разберется как-нибудь сам с этой бестией: полетит, как стрела из кипчакского лука! Но коса на камень: конник – в седло, коняга – на дыбы! Не понимает: она теперь боевая единица в штате взвода – вот и служи!

– Э, да это дикий кулан! – разглядел кто-то.

– Кулан – не кулан, все одно – лошадь! – приручитель седлал дикарку в станке, рвал удила, подкупал сахаром.

Но и через месяц, и через два, сглотив сахарок, строптивая дива могла куснуть спешившегося наездника: не купишь!

Федотов на выпады не реагировал: за ее аллюр можно и стерпеть обиду... Ах, как она шла, его Стрелка, как шла! Ноги пружинили, стлалась над землей – воздух пел!

Не зря скопил на нее лиловый глаз майор из штаба армии:

– Уступи на часок!

Взревновал, но все ж предупредил кавалерист про восточный норов красоти.

– Ничего! – сказал офицер, занес ногу в стремя: взвилась – сущая ведьма! – Ничего! – прорезался чертой на лбу характер седока.

Дыбу выдержал, осадил: понесла – лесочки промеж ног. Летит – машина отставала! У штаба спешился ездук, хлоп ее по холке: молодец!

Стрелка на похвалу ответила задним копытом. Копыто – «смерть немецким оккупантам»!

– Ничего! – через силу улыбнулся офицер, и кавалерист Федотов понял: ждет его рыжую разведчицу большая карьера при полковом штабе.

Краденые лошади остаются с Иванами только в сказках.

«Спотыкач» ведет охоту

Уж если споткнулся на ровном месте, то считай не считай – спотыкаться тебе до трех раз! ...Примета.

На берегу тихой речки песок ровный, гладкий. По песку – следы лошади, за ними – шлеп-шлеп – друга Федотова. Хорошо, как дома на Деркуле! Взгляд притягивают жаворонки: «Не с родимых ли мест?» «А то?» – откликаются. Ну, вся душа – в небе! И уж, верно, нога сама увидела опасность: похолодела, зависла: под ступней, как удав клубком, противотанковый фугас. Миг: выпад – бросок – взрыв! Как в футболе, ручной гол не засчитывается... Лошадь остановилась. И как сюда не ступила? Лунка от копыта – рядышком...

Волна еще долго не могла отдышаться, ровняла песок: зализывала невидимый след кого-то невидимого.

Опытные минеры уверяли: такой снаряд взрывается в миг прикосновения. Вот тебе и наука! Первый спотыкач!

Но кто ж оглядывается на черные знамена, когда все восходы превращаются в красные знамена! Не держит чужаков земля, не спасают реки, не укрывают леса: выдают праведной погоне. Веселит сорок четвертый год конную разведку. Разведчику Федотову и его верной землячке Пчелке снятся одинаковые сны: въезжают в Уральск! Пчелка – под попоной! Он – в шинели английского сукна! И девушки почему-то с прекрасными глазами сивок-пчелок.

Гнедушку Пчелку отдал подчиненному командир взвода, когда тосковал тот по строптивой Стрелке. Утешил: «Пчелка – лошадь кадровая, обученная». По слухам, из Уральского сорок шестого полка. Полк вроде как расформирован по причине утраты полкового знамени. Так ли, нет ли, Пчелка не говорила. Нового хозяина признала сразу как земляка: невыветрившийся, неистребимый дух приуральных степей сроднил.

...В то утро возвратились с задания. Елки, тринадцатое января – день рожденья! Разведчик вспомнил мамины пироги. Спешился к подруге с сахарком: от всего сердца! Разве ж знал: сердце – на мушке снайперской винтовки... И не то рука у снайпера дрогнула, не то опять кто невидимый вмешался: пуля в плечо поздравила именинника со всей дурной силушки – навылет...

Споткнулся белый свет о торчащие трубы сгоревшей станции Лычково. От тыловых госпиталей Федотов отказался: остался при полевом. Не желал терять ни эскадрона, ни дорогой его сердцу Пчелки. Та при медслужбе госпиталя ждала. Дождалась к весне. Скрипело потертое седло! И ветер холодил рану, и разведзвод радовался возвращению товарища! Покачивались звезды на пилотках: с отвагой мушкетеров добывали конники не бриллиантовые подвески королевы: крупица по крупице – сведения!

Полоцк, Великие Луки, Литва: до Каунаса – рукой подать. Только с какого боку? Конная разведка вышла на поиск. Опасны, всегда опасны тайные тропы.

И та опасна, и эта: летняя короткая ночь на исходе. Но вот, кажется, то, что надо! Проскакали лесок – тихо. Впереди – никого: можно расписать координаты. «Тихий» лесок опередил: расписался по спине кавалерии пулеметным огнем.

– Засада! Власовцы! – крикнул кто-то.

Про власовцев Федотову полууслышалось: спотыкач. Осколки снаряда выбили из седла. Пчелку достал пулемет. Опоздало небесное крыло.

Про гол и волшебный футбол

Мальчишек с Чижинской улицы знала вся ребячья округа. «У-у! Хуже милиционеров!» – обижались «соловьи-разбойники»: похулиганить в парковой зоне не удавалось. Границы футбольного поля и вовсе были священны. До полуночи парк жил: бегал, прыгал, нырял, летал, орал. Город не знал словосочетания «детская преступность». Команда «чижиков», самоназначившаяся в воеводы окраины, на школьных спартакиадах подтверждала свой статус. Первые, первые, первые!

Первыми полегли на фронтах. Одна послевоенная весна прошла, вторая. Уже не придут. Борис Федотов жив: так распорядилась судьба. Три осколка вынули в Витебске, два под Рязанью. Грозилась ампутировать руку. Шепнула медсестричка: «Не соглашайся!» Воля раненого ожесточилась: «Убегу!» Врач дал подписку на операцию с сохранением руки. Вот, слабая, да не чурается работы! Нога хромучая ищет мяча: эх, по воротам бы! Пуст пустырь: ни ворот, ни штанги. Малыта играют «в войну». Но он, Федотов, научит эту зеленую поросль забивать голы!

На заводе стеновых материалов бывший разведчик переквалифицировался в учетчики. И вот славно: главный инженер Киреев оказался фанатом: играл за Саратов. За Уральск – не откажется! С ним и впрямь пошло футбольное дело: из лоскутов ременной кожи сапожник сшил кожух, осталось набить паклей, зашнуровали: «А ну, малек, вмажь!»

Прирос футбол к ногам мальчуганов: взгудел пустырь! Какая же это упоительная зараза – футбол! Заводская молодежь потянулась отыгрывать трудоустроенное детство.хлопоты шефов обернулись амуницией: как в таких трусах-майках, таких бутсах, да не выиграть городское первенство? Команда «Стрела» заткнула за пояс местные команды, вырвала областную победу! В Кустанае на республиканском первенстве стала второй! Это потом реванш возьмут «Судо-строитель», «Динамо», «Спартак». Но сначала блеснула «Стрела»! «Локомотив» «упаковывала» не раз! Тот обидчивым оказался: однажды прикатил на такси со своим судьей. «Свой» подвел под победу «3 : 0». Бушевали трибуны: без вины виноватые «Стрельцы», прибитые к скамейке штрафников, чуть не рвали на себе новые майки. Матч мог закончиться трагично: болельщики не в шутку намеревались превратить судью в модный кусок мыла. Того на космической скорости подхватило и унесло такси!

Но была, была восстановлена справедливость: «5 : 2» – счет переигровки! Так-то: не стой под «Стрелой».

Федотов помнит все страсти футбольных баталий. Как не помнить: азарт игры творил чудеса – возвращал мышцам былую мощь! Забывал про боль: правой, правой, правой! – не щадил правый полузащитник болящую ногу. Футбол конца сороковых был жестким, злым, стремительным, беспощадным, как война, как эти взрослые парни, видевшие смерть!

Уходили с поля. Уходила стихия схватки. Игра тренерской выучки несла другой мяч. Это другая история. А история судьбы бывшего разведчика нет-нет – высветит родную Чижинскую: друзей, незабвенных боевых подруг: Сивку, Стрелку, Пчелку. И час, когда открыл эфир для черной весты: война, и день, когда случайно, опять же первым, извлек по служебному приемнику весть белую: Победа!

ПОДПОРУЧИК ИЗ ШОРТЫНБАЯ

Гумар Сарсенгалиев пережил великий мор, юношей – Великую Отечественную, студенческие пирожки-сухарики, съемные углы, скромные зарплаты. Неумный темперамент вовлек в спортивные баталиш, невероятная усидчивость подвигла к написанию научных работ. Сорок пять лет преподавательской работы в авторитетном вузе сделали его известным, узнаваемым. Отличник просвещения Казахстана, высшей школы СССР, полковник в отставке. Звания-ордена-медали – все при нем!

Жизнь идет себе по девятому десятку и знает: «Времени нет – есть бесконечно малое настоящее».

«Дайте до детства счастливый билет»

Ныне поселок Шортынбай близ Тенгиза жалуется не столько на бедность, сколько на здоровье: подземные клады за «здорово живешь» не отдаются. В Гумаровом детстве золотом блестела чешуя. Рыба не переводилась. Работа отца на рыбозаводе не кончалась. Воздух первозданной чистоты крепил легкие впрок. Не было обуви – так зачем детству обуви? Летает!

Отлеталось. В тридцатые власть над степью взяла засуха: доэкспроприировала все. Социальное равенство навел голод. Тиф подчистил кадры чище НКВД. Пришедшей коллективизации делать было абсолютно нечего. Кроме как украсить поселковый совет лозунгом. Что за дело ребятишкам до красных тряпок? Нет за ними ничего съестного... Забыты игры. Камни кажутся хлебом. Поднимут – нет, не хлеб. Раскаленный песок и тот – ко рту – как крошки... Нет, не крошки...

Чета Сарсенгалиевых – друг за другом – стала холмиками. Три малых ворушка – на милость Аллаха. Только что делать Богу с сиротами? Их уже и не счастье. Нет у него столько еды и столько питья.

В черные дни люди добрее богов: младших – сестру и брата – увезли в другие селенья. Десятилетнего Гумара взял сосед Мажит. Голодная смерть чавкнула, отступила от приемыша. Тоска по родным не уходила никуда: вместе с ним собирала на пастбище кизяк, стояла в хлебных очередях, радовалась самому меленькому довеску: его можно было съесть. Тоска сопровождала всюду, и Гумар научился с ней жить.

«Я убит подо Ржевом»

Думал ли кто, что Бердичевское пехотное училище поменяет Житомир на Оренбург? Мечтал ли школьник в своих прикаспийских краях об Оренбурге? Одно слово: «война» – и доброволец Сарсенгалиев учится мотать портянки. Из

оборонительных боев страна не может выбраться и на втором году противоборства, Армия тает. Новое воинство на учебных полигонах передернуло затвор. Оренбургские курсанты – один к одному, рост в рост! Шаг в шаг! Парадному шагу обучали особо: осенний выпуск должен был пройти по Красной площади в Москве на Октябрьском параде. И прошел бы! Но линия обороны затрещала по всем швам: срок обучения пехотинцев съезжился с шести месяцев до трех. Вместо товарища Сталина курсантов поприветствовали окопы Калининского фронта.

Коммерческий курс времени на войне непредсказуем: неделя может стоять года, день – месяца, миг – жизни. Через сто двадцать суток боев сколько их осталось, ребят экстренного выпуска оренбургской «пехотки»? Лучше не считать Гумару, просто выполнять черную работу войны, и она однажды закончится.

Снаряд из десятиствольного миномета закончил ратный труд не одного бойца. Здесь, подо Ржевом. С железной «реликвией» в ноге уже не бегут, «Ура!» не кричат. Пехотинца Сарсенгалиева на шоковом «Ура!» пронесло еще метров пять. Вот они, законы инерции и запала! Свалишься, боли не чувствуешь... В крошечном аду, где соловьем-разбойником свистит воздух, где нечистая сила шевелит мертвых, раненого подхватил Гольфстрим самоспасенья. То глубинное, человечье, когда жизненные токи уходят, безумно хочет жить: вылететь, выползти из пространства, где рождаются смерти. «Обузу – ногу вызволял через рытвины, трупы – как через баррикады. Над тяжелой головой Гумара кто-то черный, гудящий завыворачивал кренделя: «мессер»! Со свастикой во все брюхо. Не он ли вчера атаковал солдатика-подранка, не он ли, железный охотник на человека, преследует теперь и его? Но Гумар – не тот сосунок: бестолково метаться не будет. Надо только одолеть ров, переправить через него ногу, ногу... Заклинило белый свет на ноге.

– Э, куда, милоч? Приплыли! – сразу несколько рук потащили бойца вниз, в преисподню. Мелькнула пилотка с красным крестом и тут же померкла.

Подпоручик Войска Польского

«Ходулю» пехотинца спасала стольная Москва и тихий городок Котельнич. Да только какой он теперь пехотинец? С клюшкой, но чем не телеграфист? Командование больше знает о боевых ресурсах, чем ресурсы о себе. В городе Горьком, где исключительно ясные зорьки, в школе телеграфистов научили бойца Сарсенгалиева новой грамоте: от простейшей азбуки Морзе до приема-передач кодовых комбинаций. С такой специальностью можно очутиться в любой точке мира. В том числе – в составе Польской освободительной армии. На запад, на восток, на юг и север по открытым линиям, тайным каналам уходили из-под пальцев «пианистов» цифровые шифровки. О чем они? Операторам знать не положено. Хотя чего там: война на исходе, грядет новый передел мира. Шуршит эфир...

Уж не помнит Гумар: не то в Лондон, не то в Рим, не мог коллега достучаться до корпункта: «А-Дэ-три-О! А-Дэ-три-О!» – позывные оставались без ответа.

– А-Дэ-три-О, вы меня слышите?

На втором часу напрасного адетриоканья у оператора Саши лопнуло терпение, как струна на гитаре. И уж каким семиоктавным фольклором обложил гробовой эфир – а только откликнулся и Лондон, и Париж, и бдительная спецслужба! Место оператора пустовало три дня. Да где еще такого спеца найдешь? К тому ж, видать, ни одна разведка в странном послании тайного смысла не обнаружила.

Сашу вернули. Всей группе связистов было поручено подготовить достойную себе замену: дембель!

Счастливое мгновение остановил фотограф: Гумар, Саша – со своими вчерашними учениками, уже коллегами. Теперь на этой станции будут работать они – поляки, французы. За фотокадром – весенняя Варшава сорок седьмого и поезд, который вот-вот унесет домой подпоручика Войска Польского.

«...Пришел, чтоб дать волю»

Послевоенный Уральск – не одет, не накормлен – отводил душу на стадионе «Спартак». Тусовались юнцы, у которых молоко на губах не обсохло, ребята постарше, выстоявшие лихое время у рабочих станков, и те, кто прошел огни-воды-медные трубы войны. Ампутированное детство, вот что их всех роднило. Футбольное поле и так, и за пятак осыпало, как манной небесной, свистящей, кричащей, топочущей радостью. «Кота на мыло!» – весело отсылали своего фаворита Костю Котова болельщики. Это он затащил отставного подпоручика, студента Гумара Сарсенгалиева «для укрепления сил и популярности футбольных команд».

– Ну и беда, что с прихромом? На воротах постоишь!

Студенту и без того застаиваться некогда. В зимние каникулы спартакиада начинали вузы многих городов огромной державы. Но «приклеился» к стадиону с первой встречи до ветеранских игр. Едва сбросив шинельную скатку, выступил за честь Джангалы. В сорок восьмом – игры на кубок Казахской ССР. Спортивные десятилетия оставляли в память о себе: грамоты, значки, вымпелы, кубки. Но матч пятьдесят первого года...

Два тайма краевой значимости Гумар, как Илья Муромец, сидел на запасной. Переживал за своих: не хватало решающего гола. Ворота соперников уже начинали нагло посмеиваться. Кто ж такое выдержит? В груди росло нечто... И когда третий тайм пришел, чтобы дать запасному игроку волю, – о-о! – трибуны гуднули: «Г-о-ол!!!» Мяч, будто только и ждал озлившегося ботинка вратаря. Это был не гол – песня с припевом! Припев состоял из одних прилагательных: пятиметровый, красивый, великолепный, неожиданный! Для автора гола незабываемый!

«Мы тебе колхозом дом построим»

Каждая птица претендует на отдельную жилплощадь – вьет гнездо, каждая зверушка роет индивидуальную норку. Люди радуются и коммунальному скворечнику. Сколько же семья Гумара сменила углов, из коих выселял то дождь, то холод, то недобрый хозяин. «Мы тебе колхозом дом построим!» – обещало бездомному фронтовику певчее радио. Скоро песня складывается, не скоро дома строятся. И так уж хотелось преподавателю кафедры экономической географии помочь области, а заодно и себе в «темпах роста благосостояния», что написал диссертацию на местном материале. Научная мысль объективнее прочих, но и судьба у нее отдельная.

Дату рождения квартиры можно считать для Сарсенгалиевых судьбоносной. За такую радость высококвалифицированные педагоги, врачи, доктора наук на двести часов уходили в подмастерья к штукатурам-малярам. От такой практики

экономика потеряла ли, приобретала, знали только экономисты. Но все равно – да здравствует пятьдесят девятый год, да здравствует дом на проспекте! За сорок пять лет здравствования город уже и подзабыл, что он звался домом врачей, учителей. Теперь – просто дом. Квартира под номером одиннадцать тепла, уютна. Живут в ней Гумар Жумабекович да Софья Карасаевна. Звездную дочку Майру съезд архитекторов мира назвал «Архитектором международного класса». Старший сын и дочь – в маму – стали врачами. Богатство Сарсенгалиевых полнится весточками от бывших учеников, друзей. По праздникам приходят поздравления, подписанные далеко не безызвестными людьми. С днем Победы поздравлял и Глава государства. Приятно... Наверное, ангел простер крыло над их крышей?

– Нет, – говорит хозяин, – не ангел, это моя Софья Карасаевна! Я бы без нее был не я...

Зимний возраст утомляется скоро. Да и не может человек высказать всего. Но сколько бы ни жил, «не насытится око зрением, не наполнится ухо слушаньем». Жизнь – плохая, хорошая, справедливая, не очень, вся в окне. И вся – Отечество. За нее ходят на войну солдаты, и, бывает, осколки, калечившие их, после хранят музеи...

Я ТРИ ДЕРЖАВЫ ПОКОРИЛ

Боевая одиссея Виктора Шашкова с Запорожья: там формировался Первый Украинский фронт. Фронт – рай после Тоцких лагерей: полгода работы на стройке тылового стратегически важного объекта показали новобранцу черным веком: скуден хлеб, ночлег – гнилая солома. Ветер рвал ветхую одежду как листву. Друг по фамилии Коркин научно заверил: виши могут заесть до смерти... Это ж какая тогда депеша к мамке придет?

К фронту – отмыли, одели: гимнастерка, шинель, сапоги! Теперь если и суждено умереть, так по-людски! При шинели-пулемете смерти расхотелось. Да и немцу уже некогда целиться с пристрастием в грудь пулеметчика Шашкова: драпает немец!

За синий платочек

Орудие досталось командиру пулеметного отделения не иначе как от землячки: Анки-пулеметчицы. Белым послужило, на красных поработало. Что ему, железному? Но и железо, если почуять в нем живую душу, будет мстить: за отца! за друга! за этого солдата, не докинувшего до цели гранату! За вырванную березку, за... за... за..! Пока не заткнется, не насытится кровушкой бой!

За высотку у Вислы уцепился фашист – не вышибить! Отдышался, опять попер! Шашковские расчеты – при кураже: и надо бы тактически отступить, не отступили. «Катюша» подоспела – высотка попятилась.

При всех оставшихся в живых благодарил командир дивизии командира пулеметного отделения за героизм.

Сам герой ничего в том героического не видел: обыкновенная драка, чего там... И Варшава – «чего там», и Берлин – «чего там». А вот Западная Украина – да! Тяжело... Тяжело, что не знаешь, из-за какого угла шлепнут. Много полегло хлопцев ни за рубль – ни за гривну. Непонятно воину Шашкову, почто западный хохол

так озлился на советского солдата? Законченные бандеровцы в горах – понятно, а пахарь? Днем с мотыгой, ночью – с винтовкой. Ожирел, в колхозные голодранцы вступать не желает! Непонятные правды носили в себе эти угрюмые люди. Ставь их под дуло хоть по одному, хоть скопом – к москалям не повернутся.

Шестьдесят лет прошло, а поди-ж ты – все одно: к западу льнут. В телеокно весь мир виден и те места, за которые Шашков мог бы сложить голову. Пол-Европы обогнул – ни одна пуля не зацепила! И на Украине бог миловал. Хай и они живут там своей оранжевой жизнью.

Где начал, там и закончил боевой путь кавалер двух орденов и гарной дивчины Вали – в Запорожье. Здесь и остался. Замес земли с соломой – вот и вся технология производства тутошних кирпичей. Своими руками построили дом. Все – как муравьи огромного муравейника. Радости было! Справили новое пальто – радость! Радость – отменили карточки! Радость – снизили цены на хлеб! Купили репродуктор! Солнце в окне, как подсолнух. Едва оперившись, полетела молодая семья в город на Урале. Напрасно ждал веселую пару домик в Запорожье: понравилась молодой хозяйке мужнина родина... И все тут.

Футболист под номером пять

Послепобедный город, отвыкший за годы войны от праздников, высоко поднял над собою мяч. О предстоящих матчах вещала газета «Приуральская правда», шумели афиши. Прихорошившийся люд шел на допотопные стадионы, как на званый обед при королевском дворе: людей посмотреть, себя показать! Полустрюганские скамейки поджидали влюбленных: не было места встреч престижней, важней, занозистей: тут вам и выход в свет, смотрины-одобрины, извечная жажда семечек и зрелищ!

Маленькое солнце, зашнурованное в кожух, чертило над игровым полем крутые виражи, обжигало распахнутые души болельщиков, а уж игроков и вовсе испепеляло. Не забывшие окопов, штыковых атак и рукопашных, путали азарт игры с остервенением боя. Грубый, как доставшийся ему век, провинциальный футбол, еще не впитав в себя всех премудростей техники, брал напором, удалью безоглядной! Стихия игры срывала громы оваций, высверки молний: «судью на мыло!». Энергия, высвобождавшаяся при разрядах эмоций, бывало, опрокидывала скамейки, валила пролеты заборов с оседлавшими их мальчишками. Гладиаторский дух Спартака царил!

Шашков играл в Запорожье: за честь роты, части, полка, дивизии, армии, и не с кем-нибудь – с киевскими мастерами! В Уральске заметил первый болельщик за кадры команды «Судостроитель», царь-бог Ворошиловского завода Атоян. Не-высокого роста, выше директорской должности. Наделен доброжелательностью, добровозможностью...

По одному росчерку пера способного футболиста «прифутболили» на курсы шоферов: специальность – в большом уважении. Судьбоносной встрече Шашков благодарен, но спортивная колея его с заводской не совпала: играть предпочел в своем «Спартаке».

Команда ходила в победителях: виват «Спартак»! Кубок области, пальма первенства, лишь лаврового венка не хватало! Но что лавры? Сегодня есть, завтра нет: кто-то другой поднимается на ступеньки Славы.

Подожди, подожди, мгновение величия и успеха, дай подышать тобою! Как же, дадут... только расслабься. И нельзя сказать, что уралчане расслабились перед куйбышевскими «Крыльями Советов». Скорее наоборот. Но мощь профессионализма уложила на лопатки ерепенистого «Судостроителя»: 2 : 0! Раздавила, как слон в лавке, силовую игру «Спартака» – 5 : 1 (!)

Для Виктора Шашкова за долгие лета все матчи слились в один. А этот – особый. Да еще игра с талдыкурганцами нет-нет да оцарапнет душу: победа повисла на последней секунде встречи. На носке бутсы вратаря: пенальти!

Глаза одних просили: «Вмажь!»

«Промажь!» – светились надеждой другие.

Тишина разрядилась аплодисментами свистом, гиком: «Ма-зи-ла! Ма-зи-ла!» Стократно преломившись, как в хрустале, стадион плыл, пока игрок под номером пять не смахнул слезу рукавом.

ЖИЗНЬ БРАЛА НА КРЫЛО

В июне сорок третьего Сергей Цуканов совершил первый боевой вылет. Последний – в апреле сорок пятого. Меж датами – фронтовая судьба: огневое небо, чередующееся с госпиталями, инвалидность, два боевых ордена.

Директором спортшколы он «ставил на крыло» развитие городского спорта. Случалось, спортивную честь республики защищали только ее воспитанники.

В зрелые годы Цуканов еще раз пошел на взлет: Саратовский политехнический институт: «Кушумводстрой».

Один. Приезжает в гости внук. Говорят: похож на деда. «Крыло», – говорит дед.

Орлята учатся летать

Не у каждого хватит духу сигануть с парашютной вышки. Семиклассники из школы № 6 – все прыгуны! Все двенадцать! Каждый осяян отчаянным крылом Чкалова. Пионерия выгибает грудь: «Если завтра война...» А война – вот она! Не завтра. Сегодня! Подмяла границы своей «Барбароссой». Тянет железные пальцы к горлу Москвы. Мальчикам из седьмого – по четырнадцать-пятнадцать: метр с кепкой. В военкомате: «Кыш, мелкота!» В коридорах тусуются десятиклассники. Неуж без них, семиклашек, на войне обойдутся?

Не обошлись: не управился с фашистом призыв сорок первого. И призыв сорок второго не управился... Полег. Черед малолеток. Стриженные, голенькие предстали перед медкомиссией двенадцать летунов уральского аэроклуба. Прослушан их организм в пол-уха, остукан в полстук – весь тощак признан годным к летному делу. До свиданья, Урал! До свиданья, Чаган! До встречи, родимый город!

Чкаловское летное под Оренбургом летчиков лепило из всего что было. Пять месяцев – и курсантов экзаменовало боевое небо... Общая дорога уральцев разлетелась на двенадцать взлетных полос. Из стайки воробушков в летных шлемах небо отпустило двоих.

– Меня да Лёню Ружейникова, – вздыхает белый, слепой человек. – Теперь и Лёни нет. Отлетался...

Кружит на автопилоте жизнь Павла Цуканова. Невидящие глаза видят мальчиков. У парашютной вышки валтуются, машут руками, учатся летать...

Полтавская битва

Воздушный стрелок Цуканов прибыл в часть в июне сорок третьего. Полтавская земля дрожала от битв. Но если б кто-то всесильный приподнял пласт времени в двести тридцать четыре года, узрел бы такой, же душный июнь:

«Гром пушек, топот, ржанье, стон
И смерть, и ад со всех сторон».

История учит совершенствовать ужасы войн: выше туч занес штурмовик реактивную пушку. Северной двадцатилетней войне и не снились громы-молнии крылатых чудищ. Полтавская битва-2 потеснила небо. Спина к спине летчик и стрелок хранят друг друга, вжавшись в сиденья. Нет тыла: на все триста шестьдесят градусов передовая! «Ил-2» – маленькая крепость.

В первые дни войны «У-2», как цыплят, распушили «мессеры». Пушная дорога вышла врагу до самого Сталинграда...

Новые машины, новые кадры – сквозь пепел...

Под летной формой стрелка – летное мальчишечье сердце. По блокноту как по беговой полосе – галочки боевых вылетов. Быть бы и еще одной: возвращались, «развязав» бомбами железнодорожный узел. «Гоп-стоп» как урки, из-за облака – черные кресты. «Ил», задымившись, планировал. Не видел воздушный стрелок пируэта: Полтавский бой – залило кровью...

В авиационном госпитале – светила хирургии. Летным ресурсом страна дожит: через пять месяцев галочки вылетов в цукановском блокноте встрепенулись и летели, пока передний край немецкой обороны не искорежил их счетный строй.

Знакомый госпиталь латал орденосца. Ранение в голову, обезображенная кисть руки: расписалась война на уральце, где могла. Уралец поставил цель: расписаться на Рейхстаге.

День Победы

С калечностью трудно жить, но воевать можно. К весне сорок пятого Цуканов опять был в небе. Конец апреля уже комкал график вылетов. Утречком 26 числа с противотанковыми бомбами под крылом пронеслись штурмовики над горящим Рейхстагом. Ни немецких заплешин, ни своих отечественных не различить: сбросили смертельный груз за городом – по шоссе уходили «тигры».

В боевой готовности № 1 ждали приказа. Приказа не было. Аэродром, спрятанный в лесопосадках, – в напряге: мало ли чего учудит враг-смертник? Сиди у моря, жди погоды. Второго мая тишину взорвал полковник Левченко – выскочил из кустов: «Сынучки, – кричит, – сынучки! Выжили! Рейхстаг взяли!» В правой руке – пистолет, в левой – сапог, но, кажется, и сапог салютует: портянка с ноги пустой пулеметной лентой вьется!

«Что за шум, а драки нет? – тормознула танковая колонна. – Победа?» И плюнула на погоню за «тиграми». Но и «тигры» встали: экипажи – в бег. «Хай тикають», – махнули рукой преследователи. Авиаторы все же осмотрели «тигри-

ные» люки. Трофей, бочку спирта, как барыню, водрузили на «Илюшино» крыло. Танкисты с Украины утяжелили праздничный «стол» салом. Качнулось крыло: «За Победу!» Лесополоса рассекретила: «Катюшей», русскими-украинскими песнями. Обнимались березы, пошатывались молодые топольки. Непьющему Цуканову казалось, что он в парке на Чагане: родимый камыш шумел до самого донышка бочки! Ах, не от спирта: от радости и свободы захмелело воинство!

...Выпавшие из реального времени, победители на боевых машинах въехали в Берлин. Сильно удивились, что не четвертое сегодня и даже не шестое: десятое мая! «Время в этой Германии летит... – дернул плечом командир полка. Скомандовал: – К Рейхстагу!»

Воздушный стрелок, видевший Рейхстаг только с высоты, думал: разнесут по кирпичикам! Нет, стоит. Может, здесь место схода великих крайностей? Жизни-смерти, силы-бессилья, величия-бесчестья? Кто знает... Но, как победитель, он имеет полное право оставить на поверженных стенах свое имя.

– А я? – спросил обиженный ростом полковник Левченко: панель в пределах его досягаемости была испещрена славянской письменностью. Подчиненный Цуканов вон куда вымахнул за последний год! И, стоя на плечах великана, нацарапал на стене автограф. «Теперь мы с тобой бессмертны!» Пошутил. А может, и нет...

НЕ ПРЕВРАЩАЙТЕСЬ В БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

Иван Кувшинов ушел на войну с четвертого курса факультета естествознания. Зачетка ГТО, победы пятиборца на городских, областных соревнованиях, участие в республиканской спартакиаде на первенство по лыжам сыграли свою роль: новобранца зачислили в состав отдельного лыжного батальона. На войне как на войне: злые силы рвали тело солдата железом, добрые окропляли мертвой-живой водой. Шел Иван на Запад «сносить башку фашистской гидре». Волшебный меч-кладенец искал с Гвардейской бригадой, самоходным артиллерийским полком. И нашел бы, да экипаж машины боевой был остановлен.

Старшему лейтенанту в отставке пришлось воевать с инвалидностью: подмогой – спорт. Примерял Иван Григорьевич руководящие должности областного масштаба. Все – «по делам физкультуры и спорта». Выбрал на жизнь стезю учителя математики, но долго еще корректировал баталии спортивных сражений как судья первой всесоюзной категории. Лишь легкоатлетический бег времени не останавливался ни на какие знаки судьбы. Ордена-медали воинской доблести – недвижимость, богат учениками, внуками. А правнуки вырастут – пойдут искать молодильные яблоки для прадеда в волшебных садах науки.

Как закалялась сталь

Двадцать восемь новобранцев, отборных крепышей из казахстанских краев, влились в отдельный лыжный батальон запасного полка. Расположилась запаска, где Макар телят не пас: лес, болотца, комары – самое «идеальное» место для изучения особенностей лыжной войны! Первые выпускники, похожие на пациентов туберкулезной клиники, «успокоили» румяную смену: «И вы такими будете!»

«Никогда!» – сам себя застраховал новобранец Кувшинов.

«И ты, Ванечка, и ты!» – вздохнула под ногой болотная хлябь.

Прогноз предшественников сбывался: от худой пищи войско уменьшилось в весе, затянуло ремни, сникло. В землянках могильный холод не давал уснуть. Как только засыпали, просыпалась грунтовая вода, подступала к ногам. Солдатики вскидывались, ведром вычерпывали чертову погибель с остатками снов. От такой закалки безусые юнцы в сталь не превращались, мучились животами.

«Живите долго!» – целебные травы сами тянулись в руки: сгодились Ивану студенческие познания флоры.

За неделю до отправки на фронт что-то произошло в запасном полку: полностью сменилось начальство, на столах появилась добрая пища. Повеселели служивые, проглотили догадки про беспорядки, чего уж: прощай, неясная прелюдия войны! С первым снежком военный эшелон унес батальон, оставил на последнем полустанке. До места дислокации предстояло пройти двадцать километров вдоль полосы Западного фронта. С пятью винтовками – на всю не крещеную ни богом, ни боем рать. Не лыжная пробежка Уральск – Дарьинск. Приказано блюсти тишину: дабы не дернулось ухо вражьего дозора. Но батальон хрипел, как табун лошадей: душил кашель. Аукались курсантские болота.

«Та пуля, что в меня летела, попала в друга моего»

В зимний лес ходить бы за красотой, как в храм! Но и там окопалась война: каждый куст – вздрог, каждый ствол – щит, бойница. Тишина – на хрусталике нерва. Заминирована. От штаба лыжня убегает в ночь. Лыжному десанту по заданному маршруту – и затаиться, ждать. Рассвет, утро, полдень – ждать... Мороз, как батька Махно, лют: не щадит ни ваших, ни наших. Спасибо фляжке: возвращает промерзшую до донышка душу, поджигает пальцы ног: тут они, в валенках, не сбежали. А вот и война! Катит немецким обозом по российскому тракту. Что там, в обозе – техника, продовольствие, живая сила? Сейчас будет мертвой: вздыбятся белые снега, обернутся воинами в маскхалатах: «Наше дело правое!» Немец прет с его неправым делом, и нет шапок, которыми намеревались закидать врага. И нет надежных автоматов: заикающимся самозарядкам Токарева боевые поля – испытательными полигонами.

На свой автомат комсорг батальона Кувшинов не в обиде: заслонил от пули. Ствол – вправо, приклад – влево. Не сразу выбрался из нокдауна. Пуля строго предупредила! Но кто ж в остервенении боя думает об осторожности? И когда отряд спешил на выручку к своим, кто ж ожидал засаду? А она ожидала: срезала автоматом лыжню, расцветила белую российскую поляну казахстанскими тюльпанами: такие здесь никогда не цвели... Бойцы залегли. «Откуда лупят?» Меж деревьев промельки белых фигур. Расплатилась за погляд старая ель: автоматная очередь стряхнула с нее весь лебяжий интим на солдата. Ахнувший взрыв сыпанул в лицо железным снежком, залепил голос, зрение, слух, весь мир...

Медики те нетающие снежинки замучились выковыривать из чела раненого. Из глазного яблока «соринку» удаляла Рязань: из госпитальных стен солдат вышел как адмирал Нельсон – с повязкой через глаз. На весеннем дворе ждала-поджидала фронтовая судьба – направление на фронт.

Скорый военный всеобуч сделал из лыжной пехоты знатока танкового и артиллерийского дела. В демаршевых перебросках, туда – сюда – обратно, выпала Кувшинову счастливая карта: на карте следования военного эшелона значилась станция Уральск.

Забилось, застучало сердце уральца от предстоящей встречи. Отбил телеграмму. Телеграмма запоздала: на станции никто не встретил, ночь. Заметался, как душа, ветерок, понес транзитного гостя к дому: надо обернуться за пару часов. Дом недалеко: стук-стук-стук! Никто не отзывался. Мать, верно, на работе, а брат? За дверь угадывалось чье-то присутствие.

– Братка, открой!.. Открой, говорю!

Минут через пять партизанского молчания мальчиш-кибальчишеский голос твердо заявил:

– Не открою! Мой брат на войне!

– На войне я, на войне! Я с войны – на минуточку!

– Не... И голос у тебя не Ванькин!

Дверь держалась, как ополченец под Москвой. Осталось только на прощание пообещать любимому братцу:

– Вернусь, уши оборву, Косой!

– Так бы сразу и сказал!

На «Косого» крепость-сезам – открылась: так поддразнивал малыша только брат! Обнялись, повалтузились на радостях. А мамка – на дежурстве, а полки – пусты: нечем попотчевать гостя. Ничего. Он возьмет фотографии детства и марафонским бегом – к вокзалу. Поезд добрый, дождется его и пустившегося вдогон за ним Косого: запыхавшийся, язык через плечо, брат сунет ему в руки бесценный подарок – табак. Забыл о его существовании в доме.

Утром придет с дежурства мать, прочтет выведенное первоклассником: «Ночью был Ваня». Как уж кинется она, полетит на расстегнутых полах легкого жакетика к перрону! А перрон пуст! Последний вагон военного эшелона растаял в рассветной минуте.

– Ваня, сынок!

Ей бы только обнять его пораненную головушку, передать узелок... Каждый дом Уральска, отправивший на фронт ратника, хранил в укромном месте узелок: сухари, картошка, рыбка сушеная. Занесет с какой оказией родимого, а гостинец – вот он! И были случаи, заносило, вот как Ивана Кувшинова. Только Кувшиновым не повезло – не достиг узелок адресата: в погоне за ним приобрела неотправленная посылка в руках матери форму большой ситцевой слезы...

Найти в огне брод

Наступательный натиск самоходной артиллерии – это вам не лыжный набег! Командир штурмовой машины «СУ-35» Кувшинов оценил подругу: кто к нам с мечом, тот от «СУ» и погибнет!

Весна сорок третьего поднимала по утрам три-четыре солнца, три-четыре зарева сразу! Дралась. Однажды и самоходка стала заревом. Ремонту не подлежала. Командира латали месяцев пять: Валуйка, Усмань, Пенза, Андижан... Выписали с инвалидностью третьей группы и заключением: «Годен к административно-хозяйственной деятельности».

При учебном полку офицерского состава в Москве началась служба для уральца. И вроде как не горел Иван Кувшинов в боевой машине, не выковыривал в тряском вагоне (сам себе хирург) проклянувший бинты осколок из левой руки. И там, в Усмани, не грозил антонов огонь сожрать правую руку: мышца, перемешанная с лоскутами одежды в фарш, задала госпитальным светилам задачу. Один хирург призвал к срочной ампутации, второй – к попытке спасти.

– Без наркоза выдюжишь?

– Выдюжу! – доверился пациент майору медслужбы.

– Орать не будешь?

– Никак нет.

– Тогда не ори.

Но оперируемый орал так, что солнце не в ту сторону повернуло. Или так показалось...

– Молодец! – похвалил Ивана хирург с польским акцентом. – Панночек будешь обнимать не одной, обеими руками!

«Мы – долгое эхо друг друга»

Девушки – вот они – красивые, юные, как цветы у дороги! Катит старший лейтенант, осанистый, широкоплечий, по эскалатору московского метро. Во всех девушках признает издали только однокурсницу Олю. Приблизятся – не она, и та – не она, и эта.

Олю Кувшинов заметил у Пушкинского педагогического, в толпе абитуриентов. Пожелал ей, сам про себя, поступления на факультет естественных наук. В секретариате «усек» ее «личное дело» рядышком со своим: кто-то свыше выполнил просьбу. Оля всегда при свите! Через частокол долговязых пажей сокурсник Иван с его невымахнувшим пока ростом, не просматривался. Однажды случилось чудо: принцесса вышла одна, оказалось, по пути. Война встала поперек. Письма заблудились. Где теперь? Да вот же она, Оля! Со встречным эскалатором плывет ее профиль. «Оля!» Принцесса в пилотке не слышит, не видит окликнувшего ее офицера, щебечет с фрейлинами в кирзовых сапожках. Эскалаторный маневр, и охотник за призраком – у электрички. «Оля!» Нет Оли в запеленгованной стайке. Опять пригрезилась?

Оля материализовалась из-под его руки – той самой, которую спас майор для объятий. Обнял и выпустил: счастье было военнообязанным. Связистке Оленьке предстояло пройти по «эх, дорогам» Польши, Румынии, Чехословакии. Вернуться к Ивану с приданным медалями, орденов.

Кувшиновы не нажили палат каменных: слишком праведен труд учителей. Были богаты любовью. И сейчас, сезон не сезон, летят, улетают в небо белые журавли, Ивану Григорьевичу опять вышла разлука с его Ольгой Сергеевной. С фотографии на столе, запредельного мира, летит ее взгляд: «Мы – эхо, эхо...»

Тайны спорта

«О, спорт, ты – жизнь!» О спорт, ты – отрава: даже когда отодвинутся на край земли стадионы, заржавеют на балконе гири, телеокно спортивных новостей примется подсасывать хронической ревностью: «А вот в наше время!»

Студента Ивана Кувшинова влюбил в спорт тренер Виталий Зайцев. Случись какая переключка в спортивном мире, Иван бы только знал, вышагивал: «Бокс – я! Волейбол – я! Хоккей с мячом – я!» Команда «Учитель» обнимала кубок области. С победными лыжами студента Кувшинова включили в сборную области. Через перерыв на большую перемену длиною в ВОВ жизнь усадила спортсмена в высокое кресло. В креслах сидеть некогда. Все – с нуля. В помощь – постановление Совмина «О поощрении спортивно-технических достижений...». Появились же тоны для чемпионов: выделялись из всеобщего равенства. Человеческая природа всегда рвалась из «мы» в «я». «Я – есть! Я – могу!»

«Главное – не победа, а участие» – от лукавого. Главное – победа! Соревнования проявляли имена: Николаев, Урманчеев, Юркин. Никто не мог побить рекорд Мартыновой в беге. Петр Мурзин – чемпион республики по борьбе. Будущего чемпиона мира по боксу Степана Ульянова он тренировал опытом, талантом!

Спорт юн, как река. На глазах Кувшинова исчезало из спорта поколение вместе с их «тарасобульбовскими» шароварами. Новому времени шились формы с различиями на рубашках: белая полоса через грудь – «Спартак», красная вдоль – «Локомотив». Матчи будоражили город. Межкомандные страсти кипели. Конфликт в игре «Локомотив» – «Судостроитель» «грохнул» кубком области. Вдребезги! Дребезги разбирали с милицией. «Судостроитель» смирил гордыню: извинился за сверхпатриотический порыв, купил новый кубок. Вот и фотографии тех мятежных лет: футболисты, хоккеисты. Кстати, откуда у хоккеистов клюшечки? Спорткомитет таких не заказывал... А кто его знает? Хозяева пропадающих из конюшен дуг тоже не догадывались. Только лошади меж собой ржали: у отчаянных пацанов из одной дуги получалось четыре клюшки. Но тс-с... Это – маленькие тайны юных хоккеистов, их кумиров и большого поля.

«Гвозди бы делать из этих людей»

Велосипед для любимого внука Иван Григорьевич искал и нашел на тихой окраине. На радостях зазвала бочка с пивом: тридцать третьим будешь? Домой дедуля приехал навеселе, порадовал внука. Сам к вечеру слег: неужто с кружки пива? Рука заскулила, другая отозвалась: у-у! Скулу разнесло. День-ночь, сутки прочь. Ни один зуб стоматологу не признался в вине, а десна – хоть прикуривай! Может зуб мудрости припозднился? Глянул рентгенолог на снимок – зрачки в разные стороны: не голова, а аэродром неопознанных объектов. И лучше не беспокоить войну, вьезшуюся в живую плоть. Этого «фашиста», самого крупного, которому не понравилось наше советское пиво, надо, конечно, удалить. Чтоб не диктовал с челюстного стыка, чего пить, чего не пить...

Кувшинова положили в больницу, стали готовить к операции. За три дня «готовки» из отделения вынесли трех «готовеньких». Не стал дожидаться очереди. В одну из ночей «фашист» высунулся из десны. Боль – как сирена перед бомбежкой. Осерчал Иван Григорьевич: через пару минут «военных действий» технические плоскозубцы лежали на своем месте. Рваная рана, надежно дезинфицированная фронтowymi ста, горела вполне умиротворяющим пламенем. Хотелось спать, спать...

Осколок – шестнадцать на двадцать два мм – жил за щекой тридцать пять лет! Никчемная железка. А попала б в иную плавку, могла бы стать спицей колеса детского велосипеда...

Планер счастья

Пустырь – пустырьнее некуда. Облюбовали планеристы. Парить на фанерке – не для слабаков. На курсах летунов тусовалась мальчишеская гвардия не робкого десятка. «Эх, прокачу!» – покачивал отчаянными боками планер. И не было для Вани Кувшинова ничего, что могло бы сравниться с восторгом полета! Все атмосферы, ноосферы раскалывались пополам. А-ах! Душа – в пятки! Замирание и счастье! Счастье дольше мига длиться не может. А если потянуть ручку управления на себя? Вся группа собралась на беспризорном пустыре испытывать новую идею. Планер взъерепенился, как необъезженный мерин: взлетев, ударился в грунт. Остановился... А планерист летел через фанерный капот, проверяя законы инерции. Выпущенные для торможения руки не хуже шасси проехали по стерне. Свидетели крушения бросились к испытателю: с его ладоней свисали кровавые ключья...

На этом пяточке осталась мечта Вани Кувшинова о высоте. И – надо же – лет через тридцать материализовалась в пятиэтажку! Здесь и получили Кувшиновы квартиру. Прощай, мазанка: лестничные пролеты сами вспархивали под крышу.

...Теперь каждая ступенька с передыхом. Для восьмидесяти пяти годков пять этажей – Альпы. Фронтовик преодолевает. Только солнце идет на закат без сопротивления: знает, что вернется... Но если глядеть на север, жизнь давняя здесь, в окне, за окном: на той стороне улицы в детстве XX столетия пел-скрипел одноногий журавль. Переливались гривы: сорок шестой полк гарцевал, не знал, какие набаты выкинет затянутый в португею век. Усталому возрасту не хочется вспоминать, что там горело, свистело, ранило. Куда приятнее знать: тебя не забывают! Родная третья школа поздравила с юбилеем. Ветераны войны, спорта, очно и через газету – на весь город! Сын зарифмовал нерифмованную судьбу отца в сердечном памфлете. Тепло, тепло от людского внимания в холодной квартире. Иван Григорьевич на жизнь не в обиде. Все остается при нем: железные квиточки войны, дорогие воспоминания и тот планер счастья, дразнивший его высотой.

ГЛАС ИЗ НИОТКУДА

Как так: сошлись в великой драке две силы: правая и неправая, бьются. «Вставай, страна огромная!» А он, Куракбай, лучший борец на всю округу, лучший стрелок на весь район, все еще в своем Калмыково? Не берут школяров на войну! Пририсовал в метриках год: день восьмое марта обернулся матери «художника» проводами сына на фронт. Не плакала. Только наказала: «Не брать там ничего чужого». Сын не столько понял, сколько почувал в напутствии подспудный смысл. Что-то есть в этих народных поверьях...

Семерых новобранцев помчала в Уральск бойкая лошадка. Весна, как диверсантка, разворотила санный путь. По снежной каше-малаше одолели двухдневную дорогу за две недели. За такой срок фрицы намеревались закончить всю военную кампанию на востоке. Как бы не так: времечко на войне – величина относительная: ать-два! – и ты – бритый курсант краткосрочных сержантских курсов; три-четыре – окоп под Воронежем! И в окопе том минута – дольше ожидания боя.

– Дуй-ка ты, джигит, вон на ту позицию! – посоветовал ему внутренний голос. Да так, что не поспоришь.

Едва сержант притулился в новом укрытии, прежде – на воздух! Руки-ноги-голова, кувыряться б и ему в фейерверке, а он, счастливчик, в атаку! Вперед, вперед! Здесь как придется: пуля-дура. Но интуицию, шестое, девятое чувство? Никто не объяснит.

Настоящий полковник

Предназначенный степняку осколок все же нагнал под Воронежем. Перекрыл боевой марафон.

Оклемался. А Воронеж – не догонишь: отправили в запасной полк. Месяц, другой... Да что он, Куракбай, как бронепоезд на запасном?!

И как прозвучало: «Желающие на фронт!» – вышагнул. Благоразумный товарищ придержал было. Да не затем учитель физкультуры драться научил, чтоб по щелям отсиживаться.

Дунул, плюнул эшелон, помчал свежую силу на подмогу русскому городу с докапывающимся до него врагом. «Тула – я, Тула – родина моя!» Родину веселого Теркина смуглолицый азиат ощутил как кровный Кызылжар, Калмыково – как бухарский берег Урала.

Держит Тула круговую оборону. У поселочка Елецк патрульный пост петушком обозревает местность: «Кто едет, кто идет? Стой!» В последние дни ввели паспорта: лазутчики обнаглели. «Старики» косой десяток таковых шлепнули! А скольких не...? Долбают фрицы огнем по разведанным целям. Старшему караульного наряда Базарбаеву думалось: идут шпики глухими тропами. Кто ж попрет на экипированный до зубов пост? Телефон, шлагбаум, проверка документов с пристрастием! Ни конного, ни пешего не пропускал сержант без должной строгости. А тут новенький «бобик» – козлик! Ни гоп, ни стоп: «ап-чхи» – на знаки препинания! Остановили в два счета: «Документы!»

Вместо документов – генеральская фуражка! Холодком срикошетил по сержанту взгляд из-под козырька: ноябрьская листва с березки осыпалась. Сжалось сердце. У генерала дела генеральские. «Виноват, товарищ генерал!» – вытянулся в струнку.

И весь бы инцидент, если б, как джинн из бутылки, не выскочил внутренний голос:

– Но обязан доложить о вашем задержании командиру!

– Что? – обалдела телефонная трубка. – Задержал генерала? – Помолчав, добавила: – Держи уж. Если что – крайним будешь!

Компетентная служба не заставила себя ждать, встретила генерала по всем правилам субординации: сопроводила в штаб.

Сверхбдительному наряду вышла смена. Ночке в сыром блиндаже не было сна. Старший караульный ругал генерала, себя и свою интуицию. «Ну и зря!» – обиделся внутренний голос и умолк.

Если б не умолк, то обязательно успокоил бы своего оппонента: никакой не штрафбат, ждет его благодарность командования и медаль «За отвагу!». «Товарищ генерал» оказался настоящим полковником германской разведки.

В рубашке рожденный

На войне у каждого своя работа, сотня – смежных. Стоит связист Базарбаев по колено в грязи, как незаменимая деталь техники. Живой проводник: в зубах – разрубленный кабель. От него теперь зависит исход боя... У каменных атлантов, связующих землю-небо, по крайней мере, не хлипкая точка опоры. Но та бронепробивная пуля распушила бы и каменную грудь...

Полубездыханный лежал степнячок у оврага. Сюда стаскивали до кучи убитых, безнадежных... Командир по фамилии Малый, большой души человек, пришел проститься с бойцами: отстрелялись. А вот тот, раскосенький, вроде сказать чего хочет!

«Куракбай, ты?» – узнал и не узнал командир сержанта. «Я, я!» – заорала каждая живая клеточка на весь мир! Командир не услышал, только нутро и подсказало: жив! Лично сопровождал в санчасть: «Спасайте!»

«В рубашке родился» – развел руками хирург. Легко сказать «спасайте». Это ж сколько крови вкачать в обескровленную плоть, господи? Молчал господь: нет крови. И, как святая Мария, явилась во спасение воина медсестричка-славяночка. Обнажила белые руки – тонки вены: «Держись, джигит, братом будешь!» Очнувшись, «брат» не успел спросить, как зовут новую родню: санитарный обоз укатил его в тыл.

Сто десять дней разгибался Куракбай под есенинскую грусть под Рязанью... Разогнулся – ни грусти, ни клена – Брянщина! Фашисты теряли губные гармошки.

«Где они, эти Гороховичи?» Искала лыжная связь меченую на карте деревню. Нет деревни. Черные обелиски печных труб. Возле грелась тишина, как та помешанная крестьянка.

– Э-эй, женщина!

На зов оборачивались только колодезные журавли – «курлы»... Ужас поглаживал ушанку солдата: колодцы наполнены мальчиками ростом выше танкового колеса. Недоростки милованы.

«Плачь, земля, когда чтут добродетель дьяволы».

Вернулся я на родину

Пришел сержант на десять месяцев позже Победы. Зато в женский праздник! День в день, час в час, через пять лет. Рюкзак – пуст: «не взял там ничего чужого». Мать, не позволившая слез при разлуке, плакала. Теперь можно было плакать. Рядом топтались два паренька, два брата. «Выше танкового колеса!» – ахнул Куракбай. Война прицепилась, как банный лист, со своими сравнениями. «Обернись» – подсказал дембелю кто-то. Обернулся: солнце, степь, Урал. И чувство любви – как тюльпан из-под снега: Родина!

В пятьдесят втором отставной сержант Базарбаев в чине председателя Тайпакского комитета физкультуры поднял районный «Кайрат» защищать спортивную честь на республиканском чемпионате. Команда выступила во всех видах многоборья. Кроме одного: борьбы. Не было борца. Не выступить – сломать график турнира. После объясняться с начальством.

– Тебе это надо? – спросил Куракбая внутренний голос.

– Не надо, – вздохнул председатель спорткомитета.

Надел борцовские трусы: не баловался борьбой со школьных времен.

– Где наша не пропадала! – разминался, выходя на поединок.

У противника играли натренированные бицепсы. Но в медвежьих объятиях попрыгали, подергались, затихли. Победа!

– А я что говорил? – возликовал внутренний голос победителя и утонул в аплодисментах.

САФИНСКИЕ РОЩИ

Человек Победы

Страшна беда, как все на свете беды, –

Разорены цветущие края.

Но кто бы ни одерживал победу,

То я ее одерживаю, я!

В. Солоухин

К Хамзе Сафину город – с любовью. О нем пишут. Его чтят. Столетняя сага Уральска – в биографии его Почетного гражданина. В наградном арсенале мирные ордена: Знак Почета, «Парасат»... Рожденный созидать, пронес скатку войны. Гимнастерка юного добровольца не раз купывалась в крови: три метки ранений как штрихи к ордену Красной Звезды, двум орденам Отечественной войны I степени. Об отваге, взятии Кенигсберга, взятии Германии и еще о многом говорят медали. Ветеран заговорил, когда возникла необходимость защитить свою Победу: молодой век должен знать правду. И если у Правды есть лицо, то это лицо Сафина.

Послевоенная страна перед фактом: засуха, апокалипсис черноземов, угроза тотального голода. В пику очевидному – Сталинский невероятный «План преобразования природы». Цейтнот великих строек вбирал в себя людей ответственных. Сафин из их числа: старший брат в семье; гвардии старший сержант; старший мастер лесозащитной станции; старший инженер-строитель конных заводов. Старшинство определило судьбу: «планов громадье», за каждую их букву в ответе. Диплом сельхозтехникума – где родился, там и пригодился. Карьера – до генеральских должностей: начальник капитального строительства сельхозуправления, управляющий трестом «Уральсксельстрой».

Управлял по-генеральски: жил в вагончиках-палатках, хлебал щи из бригадных котлов, спал на кошке, как Суворов. В распутицу – лошадь: бортовой ГАЗ-51 нуждался в плечевой тяге. Тянул. Вытягивал, как и пробуксовывающие дела. С заданной скоростью вращения земли Сафин ничего не мог поделывать: по его расчету в сутках должно быть двадцать семь часов: три на досып. Недосыпал...

Член комиссии по размещению, размещал прибывших на целину, где ничего, кроме целины... Палатки, обогрев... «Потерпите, славяне» – так обращались к бойцам командирь, так обращался к своему взводу он, Сафин. И неважно: казах, татарин – всех объединяло это «славяне». Слово, раздвинувшее рамки этноса, и здесь, в степи, не утратило магии: большинство котомок, узелков, баульчиков оставалось начальным капиталом «светлого будущего». Трудовой фронт Приуралья командующему верил: тот – со всеми вровень и на полшага вперед!

Не по словам, по делам: след целинной эпопеи – след поколения, его след: зеленые дороги жизни, пруды-водоемы, поселки, мосты. Сафину – махнуть рукавом – полигон железобетонных изделий; другим шевельнуть – столярные цеха, кирпичные заводы. Дороги – в одночасье. Но это если мультиуплотнить время.

В середине пятидесятых страна поднесла к губам каравай казахстанского хлеба. Да что там – наелась, наконец, досыта! На хлебную область выпал наградной дождь. Имена, имена... Но кто бы ни одерживал тяжелую как лемех победу, Победу одержала уральская земля: область удостоилась ордена Ленина. Серебряной медали ВДНХ – Хамза Сафин.

Лет на десять целина стала экономическим центром державы. Строек не убавилось: Сафинухватило на полсотни лет – в селе и в городе. Мазанки-баракы исчезали. Восходило, не падало новое жилье. Босы-голы пустыри одевались-обувались. Статистика глаголет цифрами.

Заслуженный строитель Казахстана ушел с высокой должности не потому, что в девяностые его профессия «упала с лесов»: падало сердце. Человек победы, одержал – в который раз – победу над прорывавшейся к нему из него войной...

В немилосердные годы развалов-становлений Сафину вышла стезя защищать беззащитных: возглавил областное общество инвалидов. Полк и две дивизии с ограниченной возможностью: сила, если задействовать. Даже ручью: убрать преграду – он взметнется! Сафинская команда расчищала преграды к ремеслам, азам предпринимательства, паралимпийскому спорту. Это отдельная глава о мужестве, милосердии и победе.

В сорок четвертом, имея в кармане направление на тыловые работы, гвардии старший сержант с «ограниченными возможностями» оказался на фронте. Физический сбой возместила другая сила: «Построй самого себя». Подопечные вооружались девизом шефа. Побеждали.

В трудовой книжке Хамзы Абдрахмановича Сафина – 66 лет стажа. Имя – в областной энциклопедии, биография – в хронографе победы. В домашнем архиве грамоты, удостоверения к множеству наград. К одной – нет. Ее не на лацкан: сама ходит-летает, слышна на весь город: «человек хороший»!

Может, главная награда она и есть?

«Шинели напоминали паруса»

Так случилось – мужчины ушли.
Побросали посева до срока –
Вот их больше не видно из окон –
Растворились в дорожной пыли...

В. Высоцкий

Школа под номером тринадцать – у черта на куличках, там же, на куличках, в новом клубе торжество. Столбовая весть перекрыла дорогу. Напрасно 22 июня Урал торкался в затонское крутоярье глянуть на принаряженных семиклассников: хоть лоб расшиби – дверь не открылась.

К осени и клуб, и школа стали инструментальными цехами: эвакуированному Ленинградскому заводу в судоремонтных мастерских, как слону в лавке, не хватало места. Ах, если б мальчишки, обивающие пороги военкоматов, знали, где куется оружие возмездия! Мины-восьмерочки, торпеды, каких не выпускал

ни один завод мира! ...На то она и военная тайна... В тыловой Уральск, как тяжелые птицы, согнанные с родных гнезд, опускались фабрики, заводы. Недостатка рабочей силы здесь не было: война отменяла детство.

Хамзе Сафину в военкомат не сунуться – нет шестнадцати – с росточком не то. Отцу – сборы. Военская часть формировалась за Селекционной. Ходил с мамой за десять верст: навещались-распрощались. Стало слышно: сдали Минск, сдали Ригу, лезут в Москву... Вот и три дяди на фронте. Хамзе – слесарка, кочегарка... Заглох тряпичный мяч на пустыре, закатился за горизонт кожаный: как приснился матч в Казенном саду, солнечные затонские брызги...

Ни выходных, ни проходных. Меха овчинно-шубного утепляют фронт: полушубки, шапки, варежки с записками от барышень: «Держитесь, роденькие!» ...Взрослое старание мальчика «засекло» начальство, произвело в машинисты. Для электростанции семь классов – ого – почти инженер! Уже потом, после, чуб машиниста пошевеливался: у парового котла с давлением в пятнадцать атмосфер – чуть что: завод – овчинка в небушке... Повелитель света-тьмы овчинно-шубного царства и не догадывался о той дьявольской силе. Бог миловал: нехватка квалифицированных кадров. Перст прилежности отвел внештатные ситуации. Но по закону внутренней свободы рвался на фронт комсомольский билет Хамзы Сафина. «О доблести, о подвигах, о славе» грезил юность.

Сводки с фронта скупы. Директор завода весьма настоятельно предлагал Хамзе бронь. Какая бронь? Ему полных семнадцать! Стреляет не хуже, чем военрук тринадцатой школы! Собрать-разобрать пулемет – с закрытым глазом. Хотел в Сталинград! Как только над ним завис враг, родной город перестал быть тылом: прифронтовой. Светомаскировка.

«Возьмет немец Сталинград и через три дня – в Уральске!» – сведущие подлили масла в огонь. Душа на дыбы! Внутривенная память болгарского воинства колыхнула или любовь к уральским пустырям, уральным плесам? Он и не знает, только готов защищать родные мазанки, как дворцы! Военкомат без увертюры отговора осведомился о воюющей родне. Подписав придвинутый ему листок, доброволец получил статус добровольца. Поезд увез Хамзу в другие, не сталинградские степи.

В Башкирии беглая Рижская «пехотка» готовила кадровых офицеров по беглой программе. А вдруг закончится курс, закончится и война? И курсант Сафин опять подписал бумагу доброй воли.

С любимыми не расставайтесь

Но если я безвестно кану,
короткий свет луча дневного,
Но если я безвестно кану
в холодный пояс, млечный дым?

А. Кочетков

От стука чугунных колес гудело пространство. Эшелон с добровольцами летел куда хотел: на фронт. Встречные поезда неслись во все лопатки под санитарными знаками. Станциям – только успевай сводить-разводить стрелки.

...Товарняк с двухъярусными нарами кто-то посчитал резиновым: к новобранцам из Башкирии впихнули уфимцев, куйбышевцев. Май поторопился с жарой. Кто не хотел быть рыбой в пироге, махнул на крыши, обнажился по пояс, лепота! Скоро жирный дым паровозной трубы окрасил их в черный. Сафин из двух зол предпочел это. Риск один: вагонным выдадут автоматы, а им пики! Зато когда ветер отгонял напасть, легкие радовались ветру!

До линии фронта верст двести. До станции Поворино – минут двадцать. Как к позвону котелков – тройка самолетов. «Наши!» Но те повернули крыло: «мессеры!» ...Ревущий смерч над эшелонном размерил добычу: крыша – десерт. Обедня на бреющем полете уже рвет нутро вагонов! Огонь – не выше роста человека. Взрыв – атака! Атака и взрыв! Пулеметная лента врага не длиннее промелька собственной жизни. Летчик в шлеме – как сосед по огороду: хоть «здрасс...» с перепуга. Вихрь: шугой по коже... Где явь, где бред? Несет вагонную крышу, как плотик по буйному Уралу. Не вышагнешь. Какофония звуков. В теплушках кричит ад! Вой: клюв пикирующего бомбардировщика целит только в тебя, в тебя! Заслонись хотя бы ладонью! Рядом грохнуло, мамкнуло...

Дернулась астральная пуповина. У скольких матерей вмиг сорвалось сердце. «Сынок!» Многим, многим, многим ответит обратное эхо:

В чистом поле под раkitой
Твой сынок лежит убитый...

Беспомощен как дитя, большой эшелон несется к спасительному подолу станции.

Дуршлаг расстрелянных вагонов цедит кровь. На гуд паровоза у налетчиков не достало бомбы: где-то отбомбили. Здесь – «отпулеметили». Головной тягач наконец отгудел, отрыдал, накрылся саваном пара... «Бегите!» – выдохнула остановившаяся степь. Распахнула просторы до самого Воронежа. Бегут... Да разве убежать от сумасшедшего поезда? Он стал летучим голландцем. Он будет залетать в сны.

Нечеловеческая сила
в одной давилне всех калеча,
Нечеловеческая сила
земное сбросила с земли!
И никого не заслонила
вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
рука, зовущая вдали...

Поэт Кочетков – о трагедии другого поезда, других прокуренных вагонов... А к этому станция Поворино сама подойдет грузовиками... Груз рассортируют на убитых, раненых. Живых – на передовую...

* * *

...Везли на машинах, потом шли. Всю ночь. Шли и шли: живые как мертвые – стресс... Утренний луч тронул прореженный лесок, пересчитал бритые затылки. Дети стали солдатами.

В 3-й Гвардейской армии были части, стоявшие за Сталинград. Вот награда мальчику из Уральска, мечтавшему встать в их строй. Так или иначе, мечты сбываются.

«Не пугайтесь, когда не на месте закат...»

Не думай, что мы обошлись без потерь
Просто так, просто так.
Видишь, в поле застыл,
как подстреленный зверь,
весь в огне, искалеченный танк.

В. Высоцкий

«Взвод, на танки!» И – ухабы, овраги, колдобины – меж гусениц. Броня усыпана пехотой, как осенней листвой. Под тридцать четверками треск заборов, тротуаров. Немцам нет времени для прицела: лупят бегло. Передовая: обстрел густ. 23-я стрелковая дивизия свое дело знает. Сафинский взвод спешится, скорее всего, вон у того большого белого дома. Но взрывная волна, как домкратом, подняла танк, хряпнула. Научная сила инерции сдула лепившуюся к боевому коню пехоту. Момент лета впечатан в мозг. После – провал и хата... Может, без пересадки? Голова – пудовая гирия... Мысль буксует. Ни с того ни с сего вспомнился город с ловушкой. Немцы его оставили, как подарили: вместе со спиртозаводом. Кто-то надегустировался. А утром – танки! Отступили. Дегустаторов пальба не подняла. Были солдаты, стали пропавшие без вести. Но минуло. Надо вернуться в реальность. В реальности – пол, устланный ранеными, как штакетником. Подстилка – сено-солома. Без звука открываются-закрываются рты. Белая стена дома – последнее, что видел. Проступают очертания: доктор не то колдует, не то танцует. Мир слеп, нем, глух: контузия. Надо сказать доктору: внутри – зной. От жара – в трещинах потолок, стены, губы... Доктор вкладывает в его руки карандаш, обрывок бумаги. Бумагу корежат каракули: «Пить!»

Через две недели мычаний-молчаний пациент членораздельно заявил: «Хочу в полк!»

Полк обновился. Придвинулся к Донецку. Не стало многих дружков. Предстоят бои. Понравился немцу город: укрепился. Ничего, вышибут! Как вышибали из того же спиртозаводного. Там и увидел уралец первых пленных.

– Сталинград? – заинтересовался один медалью «За отвагу».

– За Берлин! – горделиво блеснула медаль. – Авансом.

– Найд! – забился в истерике другой, шибко слабонервный. – Найд за Берлин!..

Патриот хренов... Юмора у них нет, что ли?

За Донецк

От боли можно было б умереть,
Когда бы жить до боли не хотелось.

Сафин поднимал бойцов в атаку: «Пора, славяне». Все тут: приказ, благословление. Один этнос: Союз Советских Социалистических Республик. «Пора» – поднял и в этот раз. Команда из груди, как реквием, а звучит просто... Ну, с богом!

Страшен воюющий город: не знаешь, что за тем углом, что за этим. Ползком, сопком, перебежками, Сафин расставил свою гвардию. В цепочке полный тандем:

один боится другого... Обезопасить подъезд, этаж. Бойница окна, заставленная мешками с песком, высунула дуло, как головку змеи! Засек краешек глаза: по его душу. Кровь через прижатые к лицу руки – как с дамбы... Падал – полные ладони зубов: боялся выплеснуть – будто действие может иметь обратный ход. Имеет: кто-то за ноги отволоч с мостовой. И по ней – он еще слышал – пронесся грохот танковой дивизии одерживать победу. Кто бы ни одерживал, это и его победа! Его – гвардии сержанта Сафина. И еще тысячи сафиных, одержимых одним «Победить и вернуться!»

В подвальных пенатах, где царство теней, хлама, пыли, сержанта душат стогами ваты. Сдирает бинты-повязки: «Не надо». Только что – ни удушья, ни боли: глядел на себя откуда-то сверху. И не было жаль ни себя, никого. А теперь надо терпеть муки, которые невозможно терпеть. Из подвала солдатика с раскуроченной челюстью увезут санитарные собаки на низенькой колесной повозке: пули все еще летают по улицам – жик-вжик – как шмели. Хирург с носом Лаврентия Берии объяснит раненому все про его раны: «Зачем так громко кричал «Ура»? Вот и пересчитал зубы разрыв-пулька». Успокоил: «Если не вырастут, сделают новые: на сто лет! Но это там, куда привезут...» – «Куда?» С Берией шутки плохи.

Из бреда в бред... На свет выводили мамины глаза, глаза девочки, которой носил портфель. Девочка терялась. Пудовая ноша волокла вниз... Рев моторов: колонну санитарных машин атаковали «мессеры». Тряхнуло, вышибло дверь «Спасайся, кто может!».. Могли не многие: у кого ноги в ходу, скатились в кювет... Общий импульс «спаси-сохрани» взметнулся. Сквозь ужас не ушел, вернулся к куску мяса, к ботинку с торчащей над ним костью... Майский кошмар для Сафина повторился.

Не дожди питают землю: кровь. Война не желала отпускать от себя сержанта, не желает и его исцеления. Увязалась. И уж, верно, с последней секундой вскочила на подножку вагона с красным крестом. Прикручен ремнями к боковой полке, ночью сержант учуял запах гари: горел его вагон. Затрубило болящее горло: «Тревога!» В пожарном аврале спасали состав. Растащили вагоны: загоревшийся сгорел чуть ли не с первым поднявшим тревогу: его эвакуировали последним.

В жизни раз бывает...

Госпиталь города Россось. Тяжелораненому – ни есть, ни пить. О чем шепелявит? Выяснилось: день рождения хлопца. Восемнадцать.

– Дата-то какая! – восхитилась выздоравливающая палата. Запереживала: – Разве ему еще когда-нибудь будет столько?

– Да никогда! – народ всегда прав.

– Тут главное другое: денежка есть?

Денежка у раненого была. Палата жаждала банкета.

Кто-то засомневался:

– Немцы всю свеклу вывезли...

– Но не горилку же?..

С четвертинкой Бахус помог. Верно, у бога виноградарства день ангела тоже двадцать второго сентября... Виновника торжества поздравили с ложечки: одну,

вторую... Засентябрило. У палаты выросли эфирные крылья, поднялись на второй этаж. Запорхали по палатам. Раненые, даже самые тяжелые, оживились: «Откуда?»

Стены ничего не могли подсказать: ранее здесь была школа...

Медперсонал, маски-повязки, скорее услышал, чем учуял распивную консерваторию. Именинник взял всю ответственность неуставного поведения на свои, уже совершеннолетние плечи.

– Ну, если уж он и в таком состоянии палату на подвиги поднял, – все понимающее руководство госпиталя с уважением посмотрело в сторону именинника, – значит, на выздоровление пойдет!

Служивому предстояли две сложнейшие операции.

Палаты еще дня два водили носом. Поводили – забыли. Но организм именинника запомнил на всю жизнь убойную силу горилки: на дух не переносил!

«...Не скажу за всю Одессу»

Перевозчик, водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону – домой...

Из народной песни

Из яблоневого Росоши – в заиндевелый Свердловск. Штатовский «дуглас» унес пациентов в одном исподнем: не на бал. Эвакогоспиталь принимал раненых в голову. Продрогшего в дороге Сафина определили к «челюскинцам»: в челюстное отделение.

...Одна пулечка навредила за пять: удаляли, зашивали, лечили, оперировали... Накатывали тяжелые минутки. Но однажды накатил с концертом элитарный, популярный, поющий киноактер Марк Бернес! Тут бы и морг встрепенулся, но он в другом крыле. Актывый зал вместил в себя весь ходячий контингент.

Бернес – не Шаляпин: стекол децибелами не вышибал. Но высекал из души огонь. Репертуар: от «Темной ночи» до «шаланд с кефалями». Актер, казалось, не пел; жил, чем жила песня: радостью, нежностью, любовью... Всем, чего лишила война этих замерших слушателей. Расступились госпитальные стены, впусив другую реальность... Соловьи, соловьи, не покидайте солдат, не уносите очарованья!

Последний звук – вдребезги! Бернес ноту не тянул... Минута молчания, и буря! Все, что не вмещалось в аплодисменты, махало, кричало, топало – тянуло руки к певцу! Вот так и разбирают хорошие костюмчики на сувениры. Но обошлось без манжеты на память. Хамза Сафин как-то не вписался в сабантуй: боялся переполненности: приструнить чувства – дело не лишнее.

...Где-то уже выстраивалось заключение медкомиссии о непригодности сержанта к строевой. Но мало ли что могут написать свердловские доктора «за всю Одессу»?..

«Закружила вьюга фронтовая»

Земля круглая. Рижское военное училище, осевшее в Башкирии, обучило мальчика нежного возраста ратному делу, и тот пришел освобождать Ригу: Латвийская «пехотка» скоро вернется на Родину.

Земля круглее, чем думалось: Панфиловская дивизия народилась в Казахстане. Комбата Бауыржана Момышулы сержант талгарского полка Сафин увидел в командном блиндаже. С земляками – хоть куда!

Командир батальона воду в ступе не толчет. Но и враг – на дыбы! Не то в отчаянии обреченного, не то в надежде на чудо-оружие... Ползут слухи: тем не менее, властвует в душах солдат месть и драйв предстоящей победы. Знание в воздухе.

...Позади сожженный врагом город Великие Луки. И как не пройти, не проехать по взятому городу Резекне? Пилоточка – как на море лодочка! Тут-там еще стычки, огрызки обстрелов. Но уже забыла о себе каска: из-под нее не видать красоты древних улиц, домов невиданной кладки. Семь веков: крепок. Какие же тут кипели страсти! И не надо напоминать Хамзе о какой-то каске. Он забыл, что на свете существуют раны и муки. Бессмертен: встречные пули облетят. Срывается бесшабашная молодость: не урезонить. О соблюдении безопасности напомнил снарядом всколотый кирпич: ухнул в кузовок. Каски стерпели. Пилотку – в медсанбат.

На две недели лечебная шапочка «гиппократга» приросла к голове гвардии старшего сержанта. Веселый госпиталь нарек его именем великого целителя.

– Гиппократ так Гиппократ... – отзывался, не к лицу бойцу кручина...

Полк далеко не ушел. Кружить ему еще по Латвии: Рига, Огре, Мадонна, Саласпилс...

В этом черном-пречерном бору

Скажи мне, друг мой,
Скажи мне, друг мой,
Закон земли, который ты знаешь.
– Не скажу я, друг мой, не скажу.
Если б закон земли сказал я,
Сел бы ты тогда и заплакал.

«Гильгамеш» (перевод Н. Гумилева)

Брали близ Риги железнодорожную станцию Саласпилс – взяли лагерь смерти. Железные ворота с татуировкой во лбу: «Каждому свое». Бараки, тропа в никуда: в ста шагах газовые печи... недосгоревшая кость. Труба кирпичной кладкой лезет в небо: выпустила человечьи души, ни дымка... У солдат, прошедших Крымом, страхи за семью замками, даром не сорвутся. Ослабили крепы: территория дьявола. «Оставь надежду всяк сюда входящий». Чьи-то надежды замкнуло на колючей ограде: остались пушинками сажи с живым ДНК. Нет выхода! Адская стража прикинулась соснами: встала над человекообрабатывающим комбинатом черным бором...

Тюки женских волос: льняная коса, черный локон, если и поползут, то в сторону родины. Горы мужской, женской, детской обуви: выбежавшие на тропу сандалики не знают, куда идти дальше... Инженеры, технологи, сортировщики больше не придут. Бессрочный отпуск: некому наводить арийский порядок... Через семьдесят лет одного сортировщика высветит экран. Накажут дедушку ласково: не пустят в Латвию на парад душегубов СС... А ведь это он грелся у этих печей. Здесь сгорело сто тысяч граждан мира. А он грелся и сортировал их одежды.

В бараках еще оставались жильцы... Плывут навстречу советским солдатам призраки: прутики-руки, слезы, разноязыкий шелест. Мрак из глазниц: экспонат к уроку анатомии потусторонен. Для него не наступит будущее, не осветит прошедшее. На нарах – ребенок – выпитый сосуд: кровь – в доблестном солдате вермахта. В брошенной губной гармошке – марши, под которые отправляли нагих людей в печи. Сдохли печи. Сдохнет и тот, в чьих жилах жизнь этого ребенка: завтра взвод Сафина опять и снова в бой – нагонит. И станет на шаг ближе к черному сердцу Берлина. Но шаг улетел на 70 лет вперед. Ловушка времени.

Именитого ветерана, участника парада Победы в Астане, обступили цветы и вопросы:

– «Лучше бы мы проиграли войну. Жили бы как в Европе! Пили баварское пиво...» Эти высказывания Вас не задевают? Газета «Тюльпан» заранее благодарит.

– Обсудим интернет-прения: георгиевскую ленту назвали символом империализма... Ваше мнение для читателей «Гладиолуса».

– Год назад журнал «Паранойя» вышел с дискуссией уважаемых людей: «Гитлер – фашист: Гитлер – не фашист». Ваше мнение?

Осыпавшемуся бутону «Мака» хотелось узнать, за что орден Красной Звезды.

– Орден за войну, – ответит ветеран...

Герою репортажей кажется: только вчера стоял у ворот фабрики смерти. Вопросы как бы и неуместны. Но это другая река. Другое время не знает, и слава богу, об ужасах войн. Но если бы войну выиграл Гитлер, азиатских любителей баварского пива на свете бы не было: Освенцим, Бухенвальд, Майданек, Саласпилс – промышленный концерн: он не для того, чтоб погасли печи. От уважаемых людей, философствующих насчет легендарного людоеда, не осталось бы и ботинок. Право на жизнь, по фашистской идеологии, имеет только одна раса.

В Саласпилсе ныне музей. Бетонные монументы памяти жертв... «О цене жизни спроси у мертвых». Чтобы не спрашивали, сносят монументы памяти. Замечают старые следы фашизма. В роздуд – новые. «Когда прошлое забывают – оно повторяется». В Казахстане все в порядке: новые символы доблести – новая память... Георгиевская лента – история: должна быть всегда! А не имеющим идеала – сочувствие.

Хамза Абдрахманович хотел еще что-то добавить, но фокус времени вернул сержанта в его сорок четвертый, где зарядили частые бои без перерыва на обед и интервью из будущего.

Возлюби врага своего

Стою. Стою спиной к строю:
Нужно провести разведку боем.
Проволоку грызли без опаски.
Ночь. Темно и не видать не зги.
В двадцати шагах чужие каски
(С той же целью защитить мозги.)

В. Высоцкий

Долг платежом красен: остаток сорока немецких дивизий, что душили Ленинград, как кур в ошип, плюхнулся в Курляндский котел. Крепок еще: ни в плен, ни в Каспий – держит оборону.

До каких пор? Приказ комдива: «Взять языка!»

Окопы врага через холмистое поле – лоб в лоб. В одних – обдум боевой операции, в других – праздник: католическое Рождество. Гогот, губная гармошка и, кажется, шнапс. «Придем – проверим. "Язык" скажет, чем закусывали».

...Разведка боем: от холма к холму спешит отряд похмелить подгулявших соседей. Рассвет не успел обозначить белый пень вздремнувшего дозора. Всем – нырок в окопы, а Сафину – перегар в нос, в грудь – штык-нож! Перехват ослабил удар, тормознул последующие. Смерть вперетяжку: борцы в весовых категориях – как трактор с вело... Один только из госпиталя. Дамасская сталь долго ковырять вату из ватника не станет. Был бы ход для остря.

Неравный поединок решила секунда и нога заядлого футболиста: пас! – тупой носок кирзы влетел куда надо! «Трактор» – пополам. Подскочивший автомат не дал разогнуться.

Фриц, полетевший к своим рождественским богам, пронзил стоном сердце, которое не достал штыком. Был этот звук таким человечьим, таким, что промерзшая под ногами земля пошла мелкой дрожью. Но с землей было все в порядке. Это на земле вершились людские судьбы.

Ради жизни

Кто-то встал в полный рост
И, отвесив поклон,
Принял пулю на вздохе....
Но на запад, на запад
идет батальон,
Чтобы солнце взошло на востоке.

В. Высоцкий

Пехота землю мерит шагами. Это уж точно. Но уткнулась в неприступную крепость. Над Кенигсбергом поднялась авиация. На рейде кувыркнулись корабли, готовые к деру. Затонули с живым грузом те, что успели выйти за пределы... Берег, как бутерброд, усыпан телами: военных и штатских. Воротит волна губу от страшного куска суши.

Город-киборг, чьи дзоты советские самоходки подавляли только в упор, не мог поверить, что подавили, что на его груди нога солдата с востока и завтрашняя контрибуция. Разведет руками мраморный Кант – великий философ. По его гипотезе, Солнечная система – из первоначала туманностей. А затуманил городу мозги великий псих, пожелавший стать властелином.

Гвардеец Сафин особо не философствовал: на пути в Берлин думал о доме, о маме. Как бы хорошо ускорить этот марафон. Ощерился враг, перед шипящим-шумящим портом Штеттином от грома «катюш» отхлынул неробкий Одер. Пехота на подступах.

– Нах Остен! – выскочил, как черт из табакерки, длиннющий фриц. Ему бы – баскетбол. А он – с гранатой...

Внутриатомное время снова тикнуло по другим, неведомым часам: сержант успел прикрыть голову прикладом. Осколки убойного калибра вспахали землю. Впились в приклад, кисть руки. Распушили боковину ватника так, что ватнику страшно стало. Атака ушла вперед. До дня Победы оставалось одиннадцать дней.

В медсанбате канонада слышалась и за сорок километров. Дрожал воздух, покачивалась земля, хотела сойти с заданной орбиты. «Болельщики» не знали, что и думать. На нервах. И когда за стенами поднялась пальба, сердце ухнуло: «Немцы!» Кто одет, кто раздет – на улицу. А та-ам!!! А там победа и ура! Победа! И не было слова слаще! И не было огромней: не умещалось в груди, распирало гортань. Перелетные руки летали в обнимках! Истрадававшиеся, истерпевшиеся, как же ждали они его! Дожили! Выжили! Жить будем! Смех. Плач.

Винтовку утопшего в слезах охранника гвардеец Сафин разрядил по-воински – салютом!

Я большой любитель жить

Лет до девяности!

...Твардовский с его Теркиным собирался вырезками из армейской газеты. Сержант и сам такого нраву!

– Фи! – скажет хорошая поэтесса Ахматова: – Солдатские стишки.

– Плясовая Теркина, – согласится Бродский.

Ненавидевший Советы Иван Бунин восхитится и добавит:

– Наши поэты не поймут. Что для них Твардовский? Чапушка. У них ослиное ухо...

Как редактора, напечатавшего Солженицына в своем журнале, поэта призовут к ответу в ЦК. Ответит: «Пережили лето горячее, переживем и дерьмо собачье».

Слово Твардовского торжествовало здесь, сейчас, в первый миг победы:

Мать-земля родная наша,

В дни беды и в дни побед

Нет тебя светлей и краше

И желанней сердцу нет!

Через восемь месяцев на желанную землю ступит Хамза Сафин – человек Победы!

«В больших рукавицах, а сам – с ногтей»

...Но травы, птицы и цветы

Меня о будущем просили.

И молча вышли я и ты

Навстречу неизвестной силе.

С. Сырнева

У Гайши семейный очаг в строгом пригляде! Муж, трое деток – все, как птицы: травинку, былинку – в гнездо. Век – то в разнос, то золотуха! Голод-зверь, а она, тоненькая, супротив. Из ничего-чего – заваруху... А когда не было и ее, младшие скулили. Старший Хамза всегда старший: в тринадцать, десять, семь – терпел. Уводил малышню на сбор кизов: зима спросит... Босые – по босым пустырям, пастбищам. Иди хоть до Баскачки, хоть до мясухи: степь да степь! Иди-иди, и придет яблочный Спас! Яблоки по хозрасчету: пять мешков – саду, один – в дом. На картошкины шабашки малых не брал: ну их – копка почти со снегом. Как потопашь, так полопашь. Дышат клубни, парок над столом – праздник! Грудь колесом. Это его, Хамзу, возводят плантаторы в бригадиры по сбору! Это он принес праздник!

– Хорошая гордость, – уважительно смотрит мама. – Кормилец!..

И поилец. Только воду таскать коромыслом не празднично: один в округе колодец, да и тот – отсюда не видать. Из-за тридевяти земель внуки несли уральную вкусную воду для гостьи бабушки: «Приятного чаепития!»

Отец выкатывал огромное полосатое солнце. В углу желтели тыквы – богата осень. Как Али-Баба! О чахоточных веснах думать не надо.

«В больших рукавицах, а сам с ноготок» – этот народ – всем грозам вопреки! Уйдет тридцать третий, навалится тридцать седьмой. А грянет сорок первый – встанет на защиту Отечества боевая, дармовая извечная сила. Опустеют дома – времянки-мазанки... Кто вернется, тот вернется. И вновь былинки-травинки... Родина, будут ли когда-нибудь счастливы твои Гульнары, Галины, Гайши?

У Гайши Сафиной счастье – вернулся муж-кавалерист: от Сталинграда до Пруссии – и целехонек!

У Гайши радость: сын израненный, но с ней. Другой, которого успела зацепить война на излете, – тоже... И еще гордость за братьев: вышли в большие люди.

Выстояла ее мазанка – выстояло Отечество.

«Самое мягкое купе на крыше вагона»

Через перекур на войну выпала званая встреча с электростанцией овчинно-шубного завода: та, будто лишь Сафина и ждала, – осыпала угольной пылью, укутала жаром. Подмогой машинисту еще один жар – две девчонки: тук-мык уголек, как сахарок чайной ложечкой. Печь рабочая – тонны подавай! И вот – двум лопатам отдых, третьей – не положено: дело мужское. А что в запястьях джентльмена осколки как осы, знают лишь осколки да плоть. Терпит. Чувство лопатой не выразить.

– А голова зачем? – вовремя озадачил племянника столичный гость. И безоговорочной ладонью бац – по столу: – Алма-Ата и учеба!

В деловых кругах фамилия Ишкеновых – маминых братьев, на слуху: один – в министрах республики, другой – с орденом за продобеспечение фронта, хозяйственник. Обеспокоились судьбой племянника...

Соль-Илецк. Железнодорожная ветвь вьется так, что уральцу в Алма-Ату – только из Соль-Илецка. Вокзальное окошечко уважительно глянуло на орденскую книжицу Хамзы Сафина: таким как он – место в мягком вагоне, но как будут билеты... Мягко стелют – жестко спать на вокзальной скамейке. Через двое суток можно догадаться: ждать ему билета, как Наполеону ключей от Москвы... Непрístupная крепость касс напомнила крепость Кенигсберга. Тот пал от силы оружия. Здесь разбивались безоружные людские волны. Военных прибило друг к другу отчаянье: четвертые-пятые, десятые сутки не сумевшие взять вокзал. Увы, не на фронте... Решили к безбилетникам на крышу! Бросок – и та сдалась... Окоп на крыше не выроешь, подстраховались ремнями: вытяжная труба не выдаст – контролер не съест!

Присутствие «контроля» означилось в первые часы: крышевали по-черному. «Штрафы» – узлами-кошельками-чемоданами. Шум, ругань, плачи. К военным не совались... Ночью – пронзительный женский крик! Поднялся ввысь из самой

что ни на есть утробы. Смолк: как поездом перерезало. Слетела на землю звезда, а может, искорка паровозной трубы...

– Сунутся – перестреляю! – твердо решил тот, у кого был боевой пистолет...

Никто не уснул. Сафину показалось: он – на крыше того, распятого «мессера-ми» эшелона: ни убежать, ни защитит, ни защититься. Игра без правил.

«Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...»

Утром актюбинская милиция по подозрению в убийстве женщины взяла под конвой всех «крыше-пассажиров». В первичном опросе человек прокурорского вида, глянув на документы Сафина, тут же вернул: «Свободен». Задержанный не хотел быть свободным. На фронте он мог быть любым: злым, измотанным, остервенелым, но униженным – никогда.

– Можете ехать, – приподнялся погон.

– На чем? На вашем диване? – не двинулся чемодан с места.

Впрочем, он поживет здесь, пока железную дорогу не освободят от воров-спекулянтов. Пока в кассе не появятся билеты для него, согласно статусу.

– Ишь, куда хватил...

Человек прокурорского вида, прикинув, что диван займут надолго, поручил старшине милиции обустроить дорожные дела ерепенистого гражданина.

...Пережитый кошмар циклопом несся за поездом. Валуны гнева, рокот погони. Третья полка укачала замученного дорогой пассажира, подняла на седьмое небо: спал как убитый. Одиссею Хамзы Сафина тормознула станция «Аральское море». Зашибла волной рыбного запаха. Поманил рынок. Стоянка поезда час: гуляй – не хочу! Свободен!

Как бы не так. Новый конвой из встречных-поперечных вынырнул тетушкой Магинур. Очевидное-невероятное: шла провожать кого-то из дальних, а тут – племяш!

– Почему без телеграммы? Ах, он еще и проездом! Какое неуважение к родне. Все, никакой Алма-Аты! Здесь тебе столица!

Чемодан дорогого родственника уже в ее машине...

И вся недолга: Уральск полонен Аральском, участием и любовью.

Барсакельмес

Сын аральского дяди уже сдал документы в алма-атинский вуз. А у уральского конь не валялся...

– Не волнуйся, – успокоили. – Неразрешимых проблем нет. Но вот вернется с командировки алма-атинский дядя... Сейчас его там нет.

Есть несколько дней отдыха с двоюродным братом Адилем. И братья провалились в солнце, воду, песок! Сезон лова: как заправские рыбаки, с рыбаками тянули сети. Обьедались знаменитыми «усачами». На катере, лодках открывали острова. Самый большой – Барсакельмес – наводил на размышления своим именем: «Пойдешь – не вернешься». Время здесь и впрямь как в тартарары, в песок. Все объяснимо в этом мире. Но не все... В момент такой вот расслабухи в латвийском августе Хамзу поманила легкая роца. Немцев отогнали верст на десять. Пируй, душа! Но душа остолбенела: из зарослей – дуло танка и еще

стволы: раз-три-семь... На мушке один он – гвардеец Сафин. Кинохроника жизни поскакала в обратку. Возникла поодаль мама: недвижимая, скорбная: «Ты обещал вернуться, сынок!»

Метнуло в камыши. Такой свободе перемещения в пространстве позавидует пуля... Дернулись обалдевшие затворы – полоснуло, просвистело, опоздало на долю секунды! Сомкнувшийся камыш стер фокус времени и что-то несоизмеримо большее.

...Хамза лежал на дне иссохшего русла: река отошла до поры. Белый: ему положено быть мертвым. Но отхлынувшая кровь стала поступать в вены. Должно быть, лишь речка и знает, как больно возвращать берега.

– Ты что такой белый? – вернул брат брата, не зная откуда.

...Прощай, Барсакельмес. Завтра поезд.

Вагон-призрак

Искомый вагон отличался от других разве что отсутствием толпы. «Милости прошу к нашему шалашу» – всторопилась дверь, и два пассажира очутились в покоях шейха или проекте нескорого будущего. Нога боялась ступить в роскошь ковров, рука – зацепить скатерть: вдруг самобранка распахнется во весь полигон стола, и куда-чего девать? Здесь их трое. Проводник рад гостям как Робинзон Крузо. Объяснил, какую величину проводил на отдых. С Москвы – один как перст... Само собой, на крышу этого вагона не карабкался ни один безбилетник. Бандиты летают через него в затяжном прыжке. Знают ли эти стены, что была война, что голодно, беспредел на дороге?

– Да-да, об этом надо доложить...

Доложил не доложил, но талант завфинхоза отдела ЦК в создании такого вагона бесспорен... Министров ни на крышах, ни в общих вагонах на третьих полках не возят, но у Павки Корчагина вопрос: «Тогда зачем лозунг "Равенство-братство"?»

Сколько воды утекло, а вагон-призрак все одно: нет-нет, да напомнит о параллельных мирах, которые иногда пересекаются.

Вернуть себя

Горы или облака? Не понять, где что в кучевых акварелях. Низкорослой столице и самой не углядеть: кто к ней с вокзальных ступенек? Прячется в парандже зелени: восток. Из всех репродукторов – Альхамова! Узнаваема, популярна. Алма-Ата озвучилась голосом Рахили.

Не знают провинциальные чемоданы и двое прибывших молодых людей, что ближе к ночи на роскошной веранде особнячка звезда взобьет для них подушки. Облачком легких духов растворится в домашних квадратах. Дядюшкина тесная квартира не могла вместить лишнего гостя. Тогдашние министры, видимо, думали о Родине, а потом о себе. О племяннике – помешала затяжная командировка. Дело поступающего на учебу стало делом ног самого поступающего. Десятидневный марш-бросок по учебкам... Сентябрь всю шелестел конспектами. Приемные к запоздавшему листу в гимнастерке не снисходили: стена. Стену лбом прошибить можно, если есть протекция: партийные органы имели на то полномочия. Под

льготы попадали фронтовики. У Хамзы обстоятельства. А может, не судьба?.. Столица предстала островом Сирен: зазвала. Стал заложником доброй, но не своей воли. О чем молчит своя? На обратный путь деньги есть. Завтра прекрасная соловыха разбудит своей ужасной распевкой лишь Адила. Тот – на помине: «Ждут в юридическом институте». Что не прогуляться с уже принятым для себя решением? Секретариат вуза поморщился на семиклассное свидетельство. Тем не менее, любезно предложил подготовительный курс. А далее выбор – судья адвокат, прокурор... Хамза еще не забыл человека прокурорского вида со станции Актюбинск. «Спасибо». И попросил вернуть документы. Как будто вон из той двери мог выйти тридцать седьмой год в сером пальто без суда и следствия...

Гранит науки

Родной город ободрил, помог. С обкомовским направлением Хамзе ничего не оставалось, как очутиться в аудитории техникума. Среди пиджаков фронтовая гимнастерка застеснялась своей потертости. Кафедральное «моно» о синусах-косинусах серого вещества не коснулось. Старше на войну этих мальчиков: для них двадцать два – мезозой. Семь лет, как захлопнулись школьные учебники Хамзы Сафина: законы физики поросли мхом. Треугольники напоминают лишь треуголку Наполеона. На войне свои университеты: преодолевать жару-холод, расстояния, страх, боль...

В госпитале перед операцией выкорчевывали по два зуба. Через день. Без обезболивания. Каждая клеточка организма готова была исчезнуть, лишь бы не... А он, холодея, шел прямо к «палачу» дяде Коле. Тот медвежьими лапами, как двойным наркозом, прижимал его к стулу. Стул казалось, трещал... Дядя Коля был готов после нести обессилевшего до палаты. Но оперируемый на подгибающихся шел сам. К победе над собой надо самому...

И вот – не властен: голова отказывалась вмещать поток хлынувшей информации. Потерял способность к обучению? Тогда что он здесь делает вторую неделю? Назад. На завод! «На войну!» – подсказала гимнастерка: что она видела, кроме войны...

– Молодой человек, я вижу, вам трудно? – преподаватель математики подошел к студенту...

Пролетарскими чистками в Уральск занесло осколки старой России – патриаршую интеллигенцию, преподавательскую элиту. В городе прибавилось света. В сельхозтехникуме – дипломы «его императорского величества», рабочекрестьянский лекторат.

Преподавательский состав располагал, притягивал, прививал. Люди при галстуках: не сияла во лбу звезда, но сияла!

Перед Михал Иванычем Синадальцевым нельзя было не открыться... И тот нашел выход.

Два раза в неделю по два часа ученик и учитель брали математические высоты. Боевые бывали полегче. Учебники как по тревоге поднимали студента Сафина и ночью. Воля ополчилась по-фронтовому: «Я смогу!» И Михаил Иванович вскоре поздравил подопечного с победой!

Благодарность студента выразилась после святого дня выдачи стипендии денежной трубочкой... Взгляд учителя потряс: так приглашают на дуэль: «А

вы на войну ходили за деньги?..» И хоть застрелись от стыда из этой чертовой трубочки! В ней, конечно, бешеная сумма: стипендия и еще... За нее дадут на рынке целую буханку белого хлеба! Михаил Иванович на черном пайке... видел, чем ужинает...

– И чтобы такого больше с вами не случилось нигде и никогда! Нет праведнее силы, чем бескорыстие...

Жизненные уроки.

Марш энтузиастов

Мы по степи, мы по лесу,
Мы к тропикам, мы к полюсу...

Из песни

Весна. Студенческий лёт: преддипломная практика. На носу защита. В Обкоме дела поважнее: стройка века. «План преобразования природы». Записка – с лесозащитных станций: пока что они – четыре чертежно-бумажных объекта края. В Уральске – глава и чисто поле. На должность прораба подходил Сафин: коммунист. Без трех минут специалисту – практика и диплом!

Партия сказала «надо!» – «нет» не скажешь. Не объяснишь, что такое защита диплома.

– Десятником будешь, – вошел в положение студента директор Добровольский.

И под начало десятника вышла сотня работяг.. На фронте был взвод. Гвардии старший определял боевые позиции каждого: за каждого в ответе. Сорок третий год учил ценить жизни. Убавилось бездарных командиров. Но это на фронте. Директор подумал и подбросил фронтовику еще и партийную обязанность: «Дерзай!»... Десятнику оставалось только построить свои рабочие часы затылок в затылок. И – всего ничего: построить станцию. Да не забывать, чье имя носит государственный план великих строек!

Окончание следует.

